

Поцелуй Морты

Автор:

Елена Старкова

Поцелуй Морты

Елена Старкова

Андрей Денисов

Не красота, а молодость – страшная сила! Эти слова стали девизом двух великих магов – Нугзара и Норы. С помощью древнего ритуала им удалось вызвать из глубин преисподней мистическую сущность по имени Тьма, которая способна не только накапливать жизненную силу, но и передавать ее своим хозяевам. В результате нападений Тьмы в страшных мучениях погибают ни в чем не повинные люди, зато ее создатели молодеют день ото дня. Но каждое действие рождает противодействие, это правило относится и к миру магии. Нашлись профессионалы, которые открыли сезон охоты на Тьму и ее покровителей. Проблема, однако, в том, что для победы над энергетическими захватчиками одних только магических знаний и умений не достаточно! Здесь не обойтись без Альтернатора – мастера Судеб. К сожалению, даже его вмешательство еще не гарантия окончательной победы.

Пролог

Пора между волком и собакой... Так назывался в давние времена тот сумеречный час, в который на двадцатом этаже сталинской высотки на Котельнической набережной Москвы началась эта необычная история. В просторной комнате с высокими, занавешенными тяжелыми красными портьерами окнами было темно. Света семисвечника, мигавшего огоньками на круглом столе в центре помещения, не хватало, чтобы разогнать мрак, сгустившийся у стен: они были тоже выкрашены в красный цвет, но в темноте казались бордовыми, словно

запекшаяся кровь. Другой мебели, кроме небольшого круглого стола, в комнате не было.

Над столом низко склонились двое – мужчина и женщина в черных, не стесняющих движений балахонах, похожих на одеяния средневековых алхимиков. На столешнице лежал ветхий папирус, покрытый красными письменами, рядом сверкали лезвия двух узких, бритвенной заточки стилетов. В руке мужчина держал дорогую, инкрустированную перламутром черную трость с серебряным набалдашником в виде головы дьявола.

По-видимому, мужчина и женщина участвовали в каком-то ритуале. Они были уже немолоды, но все еще очень красивы. Голубые и холодные глаза женщины, ее белокурые волосы, идеальной лепки, как у восковой куклы, черты резко контрастировали с яркой восточной внешностью мужчины. Глаза у него были такие черные, что не видно было зрачков. Его выразительное лицо, увидев однажды, невозможно было забыть – такой угрюмой и дикой была эта красота.

С одной стороны, эти двое противоречили друг другу, словно лед и пламя, а с другой – странным образом дополняли, как взбитые сливки – черный кофе. Да, они выглядели именно парой единомышленников: было ясно, что между ними существуют тонкие, невидимые связи...

Рядом со столом на черном лаковом полу, в центре нарисованной мелом пентаграммы, застыли две небольшие конические птичьи клетки, накрытые шелковыми платками – черным и белоснежно-белым. Между клетками лежало полированное серебряное блюдо, в котором отражались язычки пламени высоких свечей.

– Мы разбудили ее! – прервал молчание мужчина. – Пора, Нора...

Женщина рассмеялась. Это был необычный смех, такой низкий, что казался у этой красивой женщины чужим.

– Да, да... Сейчас, Нугзар!

Воздух в комнате был перенасыщен электричеством, словно перед грозой, когда вот-вот должен грянуть гром. Нора и Нугзар подняли руки над столом, между их ладонями возник небольшой шар, вначале полупрозрачный, как дым, но с

каждой секундой он становился все более плотным и блестящим, пока не стал похожим на большую приплюснутую каплю ртути.

Потные лица мужчины и женщины исказила гримаса страдания – все эти манипуляции с шаром и его метаморфозы стоили им невероятных усилий. Вскоре шар начал расти, одновременно вращаясь против часовой стрелки, все быстрее и быстрее. Мужчина одной рукой вонзил в него тонкую трость и с ее помощью опустил шар на стол. Теперь шар лежал там, переливаясь всеми цветами радуги, словно огромный мыльный пузырь.

Нугзар осторожно потянул на себя трость и вынул ее из шара. На выпуклой поверхности отчетливо проступило женское лицо, нарисованное язычками серебристого пламени. Оно было невероятно красивым и в то же время пугающим и отталкивающим в своей грубости: что-то животное и древнее, как мир, таилось в демонических чертах. Неподвижные и очень темные на фоне причудливо извивающихся языков белого пламени глаза существа смотрели на склонившихся в почтительном поклоне мужчину и женщину. Нугзар выглядел спокойным, Нора машинально облизывала пересохшие от волнения губы. Оба знали, что надо сделать в следующую минуту.

Нора зажгла черную свечу и замерла, ожидая, пока Нугзар затеплит белую. Наклонившись, они поставили свечи рядом с клетками и вынули бьющих крыльями голубей: черного как уголь и белого как снег, без единого пятнышка. Руки мужчины и женщины одновременно потянулись к лежавшим на столе стилетам.

– Черная как ночь голубица, соедини свою кровь с кровью белого супруга! – громко и отчетливо произнес Нугзар, и голос его дрогнул от волнения, хотя выглядел он бесстрастным. – Прими нашу жертву, великая мать демонов Лилит! Пусть от твоей тьмы родится наша Тьма!

Как только Нугзар замолчал, Нора произнесла вторую часть древнего заклинания – так мелодично, словно пела старинную песню:

– Белый как день голубь, соедини свою кровь с кровью черной супруги! Прими нашу жертву, повелительница перекрестков! Пусть от твоей тьмы родится наша Тьма!

Тонкие, бритвенной заточки лезвия одновременно вонзились в птичьей шеи, и густая кровь закапала на блюдо, растекаясь багровым маслянистым пятном. Как только голуби перестали содрогаться в конвульсиях, Нора и Нугзар медленно опустили их в эту кровавую лужицу, и мертвые птицы послушно улеглись в нее, словно в красную подливку.

В ту же секунду холодный ветер пронесся по комнате, его порыв с легкостью смахнул зыбкие огоньки со свечей, и комната погрузилась в непроглядный мрак. Наступила полная тишина, казалось, время остановилось, потому что в комнату не проникал ни единый звук с улицы.

Когда Нора торопливо зажгла семисвечник и подрагивающие огоньки осветили блюдо, оно было пустым и чистым, словно его только что тщательно вытерли. Лицо Нугзара озарила радостная улыбка. Однако Нора казалась озабоченной. Она была напряжена, как струна: казалось, тронь – и зазвенит.

– Почему ничего не происходит? – воскликнула она в тревоге.

– Терпение, всему свое время. Главное, Лилит приняла жертву! – сказал Нугзар, прислушиваясь...

Глубоко под землей, в одном из технических помещений московского метро, раздался тяжелый низкий вздох, вспугнувший выводок крыс: они в страхе бросились бежать. Пространство у самой земли исказилось и затрепетало, формируясь в сгусток тьмы. Нечто похожее на черную полупрозрачную шаль, извиваясь, как змея, поползло по тоннелю, постепенно набирая скорость спортивного болида. Ни резкие повороты, ни сужения и разветвления подземных коридоров не мешали этому сгустку следовать по заданному маршруту. В какой-то момент в туннеле послышался грозный низкий рев, похожий на гул землетрясения. Отражаясь от сырых, покрытых плесенью стен, звук парализовал все живое в подземелье. Безошибочно выбрав направление, это Нечто ринулось туда, куда его позвали хозяева, – в сторону Котельнической набережной...

Нугзар прислушался: тишина в квартире была полной, но интуиция подсказала, что пора встречать гостью: он устремился к выходу, Нора последовала за ним. Они вышли на лестничную площадку. В тишине старого подъезда раздавалось

учащенное дыхание. Невидимые когти громко цокали по ступеням, звук этот явно нарастал. Нора увидела, как прямо перед нею, словно марево в жару, колеблется пространство, воздух сгущается, начинает темнеть: через секунду на площадке прямо из воздуха появилась огромная черная собака с оскаленной пастью и высунутым наружу кроваво-красным, как лоскут бархата, языком. Сахарно-белые, невероятной длины клыки контрастировали с антрацитово-черной мордой собаки, а в дымчато-серых глазах светились ум и жестокость. У Нугзара вырвался из груди крик восхищения:

– Красавица моя...

– У нас все получилось! – радостно воскликнула Нора: она испытывала настоящий восторг, чувство, о котором уже давно успела позабыть.

Нугзар широко распахнул дверь в квартиру.

– Заходи, милая, – сказал он собаке, – теперь это твой дом...

Часть первая

Зов Тьмы

По запасной лестнице главного здания МГУ с отчаянной торопливостью бежал вверх седовласый, интеллигентного вида мужчина в сером костюме и черном галстуке. Бежал так, как никогда в жизни не бегал даже в ту далекую пору, когда был еще молод и полон сил. Лестничные пролеты мелькали у него перед глазами с невероятной быстротой. Ноги мужчины работали как поршни независимо от его сознания: инстинкт самосохранения и жажда жизни – допинги посильнее любой химии. В голове у мужчины билась одна только мысль: бежать, бежать, бежать! Страх вытеснил все остальные ощущения и оставил только ожидание неминуемой гибели.

Время от времени мужчину настигал идущий снизу жуткий низкий звук, от которого, казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки, и от этого рева сердце у бегущего не билось, а дрожало в ускоренном темпе, словно

вибрирующий мобильник. Он боялся оглянуться и, только поворачивая на площадках между этажами, замечал краем глаза, что от преследователя оторваться не удалось. Этот неимоверно низкий гул лишал надежды на спасение, потому что нельзя спастись от того, кто издает такие звуки.

Судорожно цепляясь за перила правой рукой, локтем левой мужчина прижимал к себе черный кейс, даже не пытаясь отбросить его в сторону, чтобы облегчить себе бег. Ступеньки перед ним внезапно кончились, словно кто-то обрезал их невидимой рукой.

Выскочив на площадку под огромными башенными часами, мужчина с ужасом понял, что бежать дальше некуда, – на лице его появилось выражение крайнего отчаяния. Он запаниковал, заметался по залитой лунным светом площадке, как зверь, попавший в клетку-ловушку.

Наконец он увидел преследователя – это был похожий на длинную черную шаль сгусток тьмы – и выставил перед собой кейс, закрываясь им, как щитом. В свете луны на кейсе блеснула латунная табличка с дарственной надписью: «Профессору кафедры литературы МГУ Березкину Ф. Д. от коллег и учеников».

Профессор начал отступать к парапету площадки, пока не уперся в него спиной. Вот и все... Взобравшись на парапет, Березкин жестом отчаяния метнул кейс в преследователя и сделал последний в своей жизни шаг – в пропасть...

Прошло уже полчаса с тех пор, как пятеро студентов литфака МГУ – Дима Сидоркин, Катя Семиглазова, Лена Апулевич, Гарик Шпилевский и Шухрат Кызылкумов – спустились под землю через колодец в московском районе Замоскворечье. Одеты они были вразнобой, кто в чем, но на каждом была желтая непромокаемая куртка и разноцветные каски с фонарями, как у метростроевцев.

Каски, куртки и в дополнение к ним еще пару больших переносных фонарей обеспечил Дима Сидоркин – единственный опытный диггер в компании четырех дилетантов. Обычно он предпочитал бродить под землей в одиночестве или в сопровождении коллег по увлечению. Но на этот раз друзья уговорили организовать для них экскурсию к объекту, который назывался на жаргоне московских подземелий Антидомом.

Антидом – это нечто вроде небоскреба наоборот. Одни утверждали, что в нем шестнадцать подземных этажей, другие – что двадцать два. Место это тайное и малодоступное. В Антидоме якобы имеются огромные продовольственные склады, гидропонные оранжереи и огороды, благодаря которым сотни людей могут питаться овощами в абсолютно автономном режиме в течение неограниченного времени.

Говорили также, что есть в нем и система регенерации кислорода, и особая установка для производства воды, и даже бассейны. То есть там имеется все для выживания на случай ядерной катастрофы. Построена эта громадина была, судя по всему, в первые годы «холодной войны», и хранится там будто бы необыкновенное оружие, рассчитанное на уничтожение всех теплокровных существ на земле, но не повреждающее при этом неорганические объекты.

Людей, которым удалось пробраться в Антидом, никто не видел. А когда диггеры пропадали без вести, тут же возникали слухи, что они попали в эту ловушку и не смогли оттуда выбраться, потому что построена она по принципу лабиринта: попасть туда еще можно, а вот выйти уже никак. И народу в нем пропало гораздо больше, чем себе можно представить.

Обычно молодым людям не сидится на месте: хочется открытий и новых ощущений. Так, мальчишки приходят ночью на кладбище, чтобы проверить свою смелость. Подземелье манит иных людей точно так же, как других горные вершины, обещая разгадку тайны, романтику приключений и выброс адреналина. Им не страшно, что под землей так сыро, грязно и плохо пахнет: все искупит очередной удачный поход. А то, что частенько под землей становится жутковато, многим даже нравится. Это будоражит кровь, щекочет нервы. Кроме того, где проще всего проверить себя, как не в подземельях Москвы. Это на первый взгляд ничего интересного, кроме ржавых труб, там нет. Хождение под землей – это еще и изучение истории. Древняя кладка стен может рассказать пытливому человеку гораздо больше, чем самый квалифицированный ученый-теоретик.

Дима просто отказывался понимать, как раньше обходился без диггерства. Ведь именно под землей он чувствовал себя свободным. Обычная жизнь наверху казалась пресной, скучной, и теперь он ждал очередной возможности заброситься[1 - Заброситься – спуститься под землю, диггерский жаргон.] с таким же нетерпением, как иной любитель пара в субботней бане.

Но не все разделяли его восторг одинаково искренне... У каждого из друзей была своя причина пойти с Димой.

Гарик Шпилевский больше всего в жизни боялся обвинений в трусости, поэтому ни за что не согласился бы проигнорировать какое-нибудь опасное предприятие, пусть даже это будет простая прогулка по темному коллектору.

Шухрат присоединился к диггерам потому, что уважал Диму и был благодарен друзьям за помощь в тех случаях, когда у него возникали трудности с русским языком. И вообще характером он напоминал Василия Алибабаевича из «Джентльменов удачи», который сбежал из тюрьмы, потому что все побежали...

Лене Апулевич подземная прогулка была совершенно ни к чему, она согласилась на эту авантюру только потому, что Дима ей нравился, и отпускать его в компании с Катей Семиглазовой, крепенькой симпатичной блондинкой с выразительными темно-голубыми глазами, было бы тактически неверно. Лена вынашивала в отношении Димы далеко идущие – матримониальные – планы.

А что до Кати Семиглазовой... Катя Семиглазова была по уши влюблена в Диму и готова была пойти за ним на край света.

В качестве цели экспедиции Дима выбрал недавно открытый им тоннель, который, по его прикидкам, мог вести к таинственному Антидому. Диме не давали покоя лавры первооткрывателя. Ведь это невероятно интересно: оказаться в таком месте – прямо как в «Сталкере» Стругацких. Поэтому его обуревал энтузиазм, которым он не мог не заражать остальных. Диггеры продвигались довольно бодро, рассчитывая вернуться назад к полуночи.

Следуя за Димой, они прошли старый кирпичный коллектор с бочкообразным потолком, который сменился бетонным новоделом, спустились по ступенькам метров на двадцать и попали в большой просторный тоннель, стены которого сочились влагой и на вид были неприятно скользкими. Над ними текла Москва-река. По расчетам Сидоркина, Антидом должен был иметь общие коммуникации с восьмой сталинской московской высоткой, которую в свое время начали строить под руководством Берии зэки на месте будущей гостиницы «Россия» в Зарядье. И как раз здесь он нашел во время прошлого спуска замаскированное под нишу ответвление, ведущее в сторону Котельнической набережной.

Так что маршрут был известен, и Дима без малейших трудностей привел компанию к таинственному ходу. Теперь следовало изучить хотя бы малую часть этого нового пути, чтобы было чем похвастаться в диггерском клубе. Ведь в последнее время неизведанных ходов становится все меньше и меньше. Карты подземной Москвы постоянно уточняются именно благодаря постоянным усилиям добровольцев.

Дима уперся обеими руками в кладку ниши: в этом месте стена была сложена из кирпичей в один ряд без скрепляющего раствора. Стена обрушилась, вздымая облако пыли, и Дима с замиранием сердца шагнул вперед. Но вдруг его фонарь внезапно погас, и он испытал не очень приятное чувство, хотя света от остальных фонарей хватало.

«Фу-ты пропасть, – подумал он, вздрогнув. – Черт бы побрал эти фонари! Вечно гаснут в самый неподходящий момент».

Дима энергично потряс фонарем, и лампочка вспыхнула. Диггеры молча двинулись вперед по довольно широкому коридору. Прошло не больше минуты, и свет погас теперь у Лены Апулевич. Она так пронзительно взвизгнула, что впечатлительного Гарика Шпилевского бросило в дрожь. И он разразился пламенным монологом об идиотах, которые ищут себе на задницу приключений. Постепенно неприятное чувство рассеялось, и Дима снова принялся травить байки о чудесах в московских подземельях.

Будто бы именно это место под центром города славится своим оздоровительным воздействием на человека, даже присутствует омолаживающий эффект. Над последним утверждением посмеялись девчонки, а Лена пообещала покинуть это место, только когда основательно помолодеет.

Шухрат вообще перестал соображать уже после нескольких поворотов, куда они идут, и только удивлялся, как это Димке удастся ориентироваться в этом запутанном лабиринте ходов и коридоров. Он шел не раздумывая, целиком положившись на Сидоркина. Шухрату казалось даже, что время остановилось, но на самом деле это было не так: просто, как ни спешу под землей, все равно приходится идти гораздо медленней, чем на поверхности, оттого время кажется таким же растянутым. И это однообразие уже порядком ему поднадоело.

Выбравшись на какое-то подобие круглой площадки под широким низким куполом, где можно было встать во весь рост, Дима решил дать друзьям отдохнуть и скомандовал привал. Все уселись на цементном полу, выключили по просьбе Димы фонари, только один остался гореть в режиме «слабо».

Катя огляделась вокруг: на этот раз подземелье казалось более мрачным, чем обычно, и прогулка престала доставлять ей удовольствие. Довольно низкие своды странно искажали малейший звук, и всем стало немножко жутковато. Выход из круглого зала был наполовину завален обломками бетона и кирпича. Дима окинул взглядом лица друзей: было видно, что чувствуют они себя весьма неуютно и никто не горит желанием продолжить путь.

И вдруг что-то произошло. Никто не понял что, но всем стало не по себе.

- Давайте вернемся, - предложила Лена Апулевич, нервно дернув плечом.

- Да, здесь ничего интересного нет. Пойдемте обратно, - неожиданно для себя поддержала Лену Катя.

- Да ладно вам, девчонки! Мы уже почти на месте, - ободрил их Дима.

Что-то изменилось в воздухе. Кажется, это был звук, но звук еле слышный, почти невоспринимаемый на слух. Диггеры замерли, словно по команде, боясь пошевелиться. Они кожей ощутили какое-то странное движение в пространстве. Ветер? Нет, не ветер, а какое-то колебание, неуловимая вибрация, от которой тревожно забились сердца у каждого.

Гарик и Шухрат переглянулись и вскочили на ноги, их примеру последовали остальные. Все прислушались и, не сговариваясь, зажгли фонари. Их лучи хаотично забегали по куполу и стенам зала, ни на минуту не останавливаясь на месте.

Похожий на рев урагана гул нарастал, одновременно прямо на глазах у ребят из воздуха сконденсировалось нечто похожее на черную прозрачную кисею. Это нечто разрасталось на глазах, вызывая у всех приступ неконтролируемого страха.

Глаза и ум отказывались верить происходящему, и захотелось одного – вжаться в скользкую стену, раствориться в ней без остатка. Лена закричала. Этот крик прозвучал как сигнал к бегству. Диггеры, словно по команде, развернулись и понеслись прочь, не глядя под ноги и на автомате перепрыгивая через препятствия.

Гарик бежал впереди, остальные мчались за ним, задевая за шершавые стены, спотыкаясь и падая. Паника нарастала, кричали все, не только девчонки. Дима тоже кричал, но звуки тонули в реве сущности, которая следовала за ними по пятам.

– Не туда, там тупик! – кричал, надрываясь, Дима.

– Мама, мамочка! – вторила ему Лена.

Ужас, охвативший диггеров, становился невыносимым: казалось, еще чуть-чуть – и взорвется все человеческое, что еще оставалось в них. Что же будет потом? Дикий страх, неподвластный разуму, гнал ребят к выходу.

В голове у Димы били там-тамы: не успеем, не успеем... Ноги и легкие работали на пределе, но дыхания не хватало, потому что воздух в подземелье стал тяжелым и густым, словно вода. Мечущиеся огни фонарей нагоняли еще больше жути, хотя, казалось, что страшнее уже не может быть.

Обратный путь занял в три раза меньше времени. В какой-то момент Дима понял, что переступил границу возможного: в голове словно сработал переключатель. Он как бы вышел из себя и увидел происходящее со стороны, словно на экране в фантастическом фильме, который не имеет к нему никакого отношения.

Дима почувствовал, что до выхода из подземелья осталось совсем немного, но тут споткнулся и упал, разбив фонарь о выступ стены. Он сильно отстал, так что ему пришлось догонять ребят, ориентируясь на свет фонарей. Некоторое время они бежали плотной толпой, как марафонцы на соревнованиях. Так и выбежали на освещенный запыленными лампочками участок тоннеля, ведущий к люку.

Теперь последней бежала Катя – силы начали ее оставлять. В какой-то момент паника накрыла ее с головой. Она барахталась в своем страхе, как в омуте –

глубоком, без дна и берегов. Больше всего на свете она боялась оглянуться, но, наперекор всему, сделала это и застыла, тяжело дыша, на месте. То, что она увидела, просто не поддавалось объяснению.

Их преследовал воздух! Сгустившийся, странно темный, почти черный, но полностью прозрачный. Какое-то кошмарное марево, вроде того, что поднимается от раскаленного асфальта в жаркий день, только гораздо темнее.

Откуда-то появились силы, и Катя побежала быстрее, но время было упущено. Неожиданно она почувствовала, как вокруг ее шеи обвилось что-то вроде мягкого шарфа, петля стала затягиваться, но отодрать ее от шеи не удалось – пальцы почему-то проходили сквозь нее. И тут колени девушки подогнулись, она упала на бетонный пол и принялась кататься по нему в тщетных попытках освободиться.

Воздуха катастрофически не хватало, она начала терять сознание. Усилием воли ей удалось взять себя в руки. Нашарив рукой камень, она бросила его вслед убегающим ребятам. Последнее, что запомнила Катя, перед тем как погрузиться в темноту, был кошмарный, замораживающий сердце, ни с чем не сравнимый холод...

Дима даже не услышал, а скорее уловил этот мысленный зов о помощи, почувствовал, что Кате грозит опасность, и с криком бросился назад. Вслед за ним вернулся и Шухрат.

Дима видел, что шею Кати обвивает что-то вроде темной кисеи, он попытался оторвать ее руками, но пальцы свободно проходили сквозь странную субстанцию, зато хватка неведомого врага явно не ослабевала, а девушка уже потеряла сознание и лежала на спине, не шевелясь, в позе сломанной куклы.

Неожиданно для себя Дима громко закричал, стараясь то ли отпугнуть существо, то ли привлечь внимание к себе. Кум, а следом за ним и Шпиль схватили Катю за ноги и попытались вырвать у непонятной твари. Вдруг хватка существа ослабла так резко, что парни рухнули на пол. И в тот же момент Дима ощутил, что кто-то обматывает его невидимой мягкой тканью. Горло сжала призрачная удавка, которая стала затягиваться, медленно, но неотвратимо перекрывая доступ воздуха в легкие.

Что-то кричал Шухрат, голосила Лена, но звуки доходили до Димы как сквозь толстый слой войлока и словно издали. Черная пелена сжимала его все сильнее и сильнее. Одновременно появилась невыносимая боль в сердце...

И вдруг Дима почувствовал, что со страшной скоростью летит на стену коллектора. Он мысленно приготовился к удару, однако в последний момент перед столкновением кирпичная кладка расступилась перед ним, и он провалился в открывшуюся на ее месте черную дыру...

Жуткий гул в подземном коридоре прекратился вместе с исчезновением Димы. Диггеры направили лучи фонарей на стену, за которой исчез Сидоркин. Кладка цела, связующий кирпичи белый известковый раствор тоже не поврежден. Это казалось настолько невероятным, что впору было помешаться от ужаса. Все подавленно молчали. Наступившая тишина давила на барабанные перепонки, словно вода на большой глубине, и звук упавшей где-то рядом капли прозвучал как взрыв гранаты.

– Шпиль, ты видел? – срывающимся голосом спросил Шухрат.

– Как сейчас тебя.

Лена Апулевич была на грани истерики.

– Давайте уйдем отсюда, пока эта тварь не вернулась! – умоляющим тоном попросила она.

Катя хоть и пришла в сознание, однако выглядела далеко не лучшим образом. Гарик Шпилевский и Шухрат Кызылкумов (Шпиль и Кум – так называли они друг друга в своей маленькой компании) подхватили Катю под мышки и поволокли к люку. Лена наотрез отказалась замыкать шествие, пошла впереди, постоянно оглядываясь и буквально приседая от страха. В колодец, ведущий наверх, она вошла первой. Дрожащие руки соскальзывали с вбитых в стену скоб, и Лена с трудом выбралась навстречу свету и воздуху. На четвереньках отползла от раскрытого люка и безучастно наблюдала, как Шпиль с Шухратом вытаскивают Катю и кладут ее на асфальт неподалеку от Димкиного джипа – черного «БМВ Х5».

– Подложите ей куртку под голову, – скомандовал Шпилевский, придерживая Катю за плечи.

Катю устроили поудобнее, и она затихла, с тоской глядя в усыпанное звездами темное небо широко открытыми глазами.

– Что это было? – Шухрат первым задал вопрос, который мучил всех. – Куда Димка пропал?

– Оно уволокло его прямо в стену! – растерянно сказала Лена.

– Не оно, а она, – возразил Гарик, – это была темнота, только очень густая. Тьма кромешная! С ума сойти! Или всем нам одно и то же привиделось? Но это же невозможно!

Никто из ребят не верил в чудеса, поэтому их разум требовал логичного объяснения случившегося.

– Массовая галлюцинация? – предположил свой вариант Шухрат.

– Сам ты галлюцинация, – раздраженно крикнула Лена. – Ну что, уходим или как?

Катя села на асфальте и расплакалась...

– А как же Димка? – сквозь всхлипывания спросила она. – Вы как хотите, а я без него не пойду!

К удивлению Димы, удара о стену не последовало: кирпичи разошлись в стороны, словно шторки в фотообъективе, пропустив его беспрепятственно. Некоторое время он летел в полной темноте то ли вверх, то ли вниз, а потом его закружил невидимый вихрь и бросил спиной на что-то мягкое, кажется на землю. Все мышцы у него болели от перенапряжения, руки и ноги отказывались повиноваться. Нечто вроде капля теплого дождя упало на лицо. Это заставило Диму открыть глаза, и он едва удержался от крика: над ним нависла огромная морда черной собаки, слюна стекала с ее клыков и падала вниз горячими каплями.

Скосив глаза, Дима увидел высокое небо странного серебристо-серого цвета. В нем хаотично и бестолково, как броуновские молекулы, метались белокрылые существа с человеческими телами. Диме пришло в голову, что это, должно быть, и есть ангелы...

Черная собака грозно зарычала. Дима откатился в сторону, ловко вскочил и сразу же побежал, не разбирая дороги, боясь оглянуться. Собака только рычала и лаяла, оскалив все свои сорок два зуба, однако не двинулась с места и только провожала Диму взглядом: глаза у нее были удивительные, такие же серебристо-серые, как это странное небо.

Пробежав метров пятьдесят, Дима понял, что за ним никто не гонится, оглянулся и увидел собаку, сидевшую на том же самом месте с таким видом, будто она сознательно преграждала ему путь назад. Как же быть? И куда направиться?

Он огляделся, и захотелось ущипнуть себя побольнее, чтобы проснуться – так похоже было на сон то, что он увидел. Вокруг простиралась плоская, как столешница, равнина, напоминавшая гигантское кладбище – по обе стороны от бесконечной желтой дороги, на которой он стоял, виднелись ровные ряды четырехугольных могил: одни были засыпаны и возвышались небольшими холмиками рыжей земли, другие зияли черными ямами. Это же явно нереальное пространство! Как он мог попасть сюда из московского подземелья?

А если это не сон, пусть даже смертный? И он находится далеко от дома, возможно, за тысячи километров, полностью завися от таинственных сил, намерений которых не знает? Это не иллюзия, это – реальность, хоть и очень похожая на бред сумасшедшего! А может быть, это просто галлюцинация, и на самом деле он находится в чистенькой и абсолютно безопасной психиатрической клинике? Но он совершенно точно помнил, при каких обстоятельствах здесь оказался...

Дима брел по ровной, прямой как стрела дороге и старался не смотреть ни на небо, ни по сторонам, рассудив, что если будет двигаться, то обязательно куда-нибудь, да придет. Ему трудно было сказать точно, сколько времени прошло, но в конце концов он заметил впереди, на фоне желтой дороги, черную точку, которая быстро приближалась и вскоре превратилась в мчавшуюся навстречу черную собаку.

Было от чего растеряться, ведь уходил он в противоположную сторону от чудовища, или это еще одно? Намерения собаки были слишком явными, чтобы в них сомневаться. Дима сначала развернулся и побежал, но тут же понял, что нет никаких шансов спастись: черный монстр догонял его легко, словно играючи, и в тот момент, когда жуткие клыки почти сомкнулись на пятке, Дима заорал от страха и прыгнул в ближайшую пустую могилу...

Гарик, Лена, Катя и Шпиль уже минут пятнадцать сидели кружком прямо на асфальте у закрытого люка посреди тротуара, вызывая недоуменные взгляды прохожих. Но ребятам было не до любопытных глаз. На них навалилось какое-то тупое равнодушие: скорее всего, это нервная система боролась таким образом со стрессом.

Катя все еще плакала, добросердечный Шухрат пытался ее успокоить, правда без особого успеха. Лена достала из машины Димы свой замшевый рюкзачок, извлекла пачку сигарет и закурила. Гарик тем временем с отрешенным видом сидел на корточках и в полной прострации включал и выключал фонарь. Щелк-щелк, щелк-щелк...

– Там не было никакого люка. Ничего такого! Я не въеду никак, куда Димка делся? – спросил Гарик, откладывая фонарь в сторону.

– Надо в милицию заявить! – воскликнула Катя. – Человек ведь пропал!

– И что мы ментам скажем? – возразил Шухрат. – Что за нами сжатый воздух гнался и задушить хотел, а потом утащил Диму Сидоркина прямо сквозь стену и теперь мы не знаем, где его искать? Так, что ли?

– А следы на моей шее – это не доказательство? – Катя распахнула ворот куртки.

Действительно, шея у нее была покрыта царапинами, синяками, и вкруговую по ней бежала широкая багровая полоса.

– Это доказывает только то, что тебя кто-то душил. Может, сам Сидоркин... Ты что, ментов не знаешь? С этим делом к экстрасенсу надо! Или к раввину... – задумчиво произнес Гарик, поднял фонарь и снова принялся щелкать

выключателем.

– Кончай щелкать, дятел! – крикнула раздраженно Лена. – Слышь, Шпиль! Я тебе говорю!

Лена Апулевич никогда не стеснялась в выражениях. На литературном факультете студенты открыто называли ее за прямоту Пулей, а за глаза – занудой, но сейчас она почему-то не испытывала никакого желания докопаться до правды. Как ни тревожилась она о Диме, оставаться на этом опасном месте совсем не хотелось. Поэтому она подошла к Гарику, положила руку ему на плечо и сказала как можно убедительней:

– В любом случае давайте сейчас уедем отсюда на Димкиной машине, а там разберемся, что делать.

В эту же секунду крышка люка, который недавно со всей тщательностью закрыли Гарик с Шухратом, приподнялась и медленно, с металлическим скрежетом начала отъезжать в сторону. Лена с Катей закричали от страха, а ребята застыли на месте, не зная, что делать: то ли бежать отсюда со всех ног, то ли защищать девчонок. Из колодца сначала показались две измазанные в глине руки, затем оранжевая каска, и через секунду долговязый Дима Сидоркин выкатился на асфальт рядом с люком. Вид у него был такой ошеломленный, словно он вернулся с того света.

Катя бросилась к нему, позабыв о слабости и боли в шее. Видеть его было само по себе таким счастьем, рядом с которым меркло все остальное. Катя обняла Диму за шею и прижалась к нему всем телом. Лена Апулевич просто остолбенела от такой наглости. Конечно, она считала себя очень демократичной, несмотря на высокое положение в обществе, созданное ее отцом, и старалась общаться на равных даже с такой деревенской простушкой, как эта Катя. Но смотреть, как парня, на которого ты имеешь виды, обнимает эта провинциальная замарашка! Это было выше сил!

Лене очень хотелось вцепиться Кате в волосы, однако недаром она была прекрасно воспитана, поэтому просто извлекла из своего замшевого рюкзака бутылочку «Эвиан», открутила пробку и протянула Диме, как бы случайно потеснив Катю.

– Выпей водички, Димка, я так за тебя волновалась!

– Дим, у тебя на лбу ссадина! Дай я вытру! – Катя полезла в карман за носовым платком.

Этого Лена уже вынести не могла и холодно произнесла:

– Хватит телячьих нежностей, у нас завтра экзамен, поэтому поехали отсюда. На сегодня впечатлений более чем достаточно!

И она направилась к Диминому джипу, не оглядываясь, в полной уверенности, что все остальные последуют за ней. Так и случилось. Компания сильно напоминала остатки разбитой армии Наполеона. Катя шла, еле передвигая ноги, пошатываясь, поэтому ей подставил плечо непривычно хмурый Шухрат. Гарик с унылым видом плелся рядом с прихрамывающим Димой. Они с разных сторон подошли к джипу, Дима нажал кнопку сигнализации, машина квакнула, с готовностью помигав фарами, словно приглашала пассажиров занять свои места побыстрее.

Когда все расселись, Лена со злостью сказала:

– Чтоб я еще раз под землю полезла... Да ни за что!

Ей никто не ответил, наверное, потому, что и все так думали. «Ха-пятый» присоединился к плотному потоку машин и покатил прочь, подальше от проклятого места.

– Меня до сих пор трясет, – прервала через некоторое время молчание Катя.

– Семиглазова, возьми себя в руки! – властным тоном сказала Лена.

Она надеялась, что никто не заметил, как ей хочется вцепиться Кате в волосы и стукнуть ее головой о дверь машины. Некоторое время ехали молча, но все, кроме Лены, думали об одном и том же.

– Слышь, Дим, ты чего, реально сквозь стену прошел, как фокусник Копперфилд? – спросил Шпиль неуверенно.

Ему больше всего хотелось, чтобы все было только обманом зрения.

- Ты где был-то? - подхватил тему Шухрат.

Дима ответил не сразу: невозможно было описать словами то, что с ним произошло.

- Сам не пойму, вроде на кладбище каком-то... - неохотно произнес он.

Добрряк Шухрат шлепнул Диму сзади по плечу и воскликнул с видом первооткрывателя:

- Слушай, а может, это и правда глюки, а? Под землей газ скопился, радон какой-нибудь галлюциногенный... А мы надышались...

- Ну да! - хохотнул Гарик. - Кто о чем, а Шухратик о приходе. Включи голову, братан! Разве глюки такие следы на теле оставляют?

- Я кое-что слышал об этом в диггерском клубе, - признался Дима. - Меня тогда первый раз под землю забросили и для смеху водили по ракоходу на карачках. А потом пугать начали, как это у нас принято... Этой самой штукой... - Дима надолго замолчал, глядя на дорогу и машинально переключая рычаг скоростей.

- Ну и что они говорили? - поторопила его с ответом Катя.

- Да по-разному ее называют: кто Черная Гибель, а кто просто Тьма. Говорят, вроде бы спастись от нее почти невозможно... Она может оставлять следы на шее жертв, а может и не оставлять. Все равно они погибают не от удушья, а от разрыва сердца...

Дима слышал немало баек о Черной Гибели. Когда он только еще вступил в диггерский клуб, его буквально снедало любопытство: он все время приставал ко всем старичкам-ветеранам с просьбами поделиться информацией о подземных ужастиках.

Каждый из бывалых диггеров мог рассказать немало странного и необъяснимого, все так или иначе сталкивались с таинственной, враждебной подземной темнотой. Были случаи, когда опытные люди, имея на руках карту и находясь в здравом рассудке, могли заблудиться, как говорится, на ровном месте. С любым из них мог случиться приступ паники совершенно безо всякой причины. Некоторые теряли на короткое время память, другие несколько минут не могли ориентироваться в пространстве, кто-то ненадолго терял зрение или слух. Поэтому все они были суеверны или религиозны и носили всевозможные обереги, кресты и иконки. А еще очень любили шутить и высмеивали собственную боязнь с большой охотой и изобретательностью, потому что так легче было ее преодолеть. Ведь осмеянный страх теряет свою силу хотя бы отчасти.

Гарик Шпилевский уставился в окно джипа, мысленно прокручивая в голове новые сведения о Тьме. Он слыхивал байки и пострашнее – да кто их не слышал, – но никогда не воспринимал всерьез... А сейчас пребывал под впечатлением лично пережитого кошмара, и нужно было остаться наедине со своими переживаниями.

– Высади меня здесь, Дим... – попросил Гарик, – я хочу пешком прогуляться...

Джип резко вильнул вправо, подрезав черный «чероки», и через секунду затормозил в неполюженном месте у тротуара. Шпилевский неловко выбрался из машины, махнул рукой на прощание и, опустив плечи, поплелся куда глаза глядят. Он даже не замечал, как от него шарахаются прохожие. Мало того что диггерский прикид и каска были совсем не к месту на людной улице, лицо у него при этом было мертвенно-бледное, взгляд как у зомби, и выглядел он сбежавшим из психушки сумасшедшим.

– Я, между прочим, тоже опаздываю, – сказал Дима ребятам, отъезжая от тротуара. – У меня с отцом тренировка, и он до смерти не любит этих самых опозданий.

Дима прибавил скорости и помчался по улице, распугивая гудком мирно едущие автомобили. Любовь к пунктуальности Сидоркина-старшего была единственным темным пятнышком в отношениях отца и сына. И как бы Дима ни старался, обстоятельства всегда складывались таким образом, что он вечно опаздывал на

встречи с отцом, а его оправдания звучали крайне неубедительно, что очень огорчало обоих.

Вот и сегодня он опаздывает, а ведь отец страшно занятой бизнесмен. Дима всегда завидовал способности отца виртуозно планировать время и являться на встречи секунда в секунду. Папе никогда не приходится оправдываться. А кто любит оправдываться? Диме предстоял неприятный разговор, но не явиться на тренинг было бы еще хуже.

Нугзар ехал в плотном потоке автомашин, откинувшись на спинку сиденья своего «чероки», держа руль небрежно, едва касаясь пальцами. Сейчас на нем был элегантный и неброский темно-синий костюм-тройка, и выглядел он очень респектабельно. На смене имиджа настояла Нора, которую раздражала привязанность Нугзара к демократичным джинсам и свитерам еще больше, чем его регулярные прогулки в метро.

– Не уподобляйся московскому быдлу, – часто говаривала она, удивляя Нугзара своим закоренелым снобизмом.

Сама Нора в любое время суток выглядела безукоризненно, хоть в вечернем туалете, хоть в пеньюаре. Вот и сейчас она сидела рядом с Нугзаром на переднем пассажирском сиденье в огненно-красном платье, помолодевшая после истории с Березкиным на полтора десятка лет, и вовсе смотрелась ослепительно. Она стряхивала пепел с длинной тонкой сигареты в карманную пепельницу с таким изяществом, что Нугзар не удержался от одобрительной улыбки.

На заднем сиденье дремала черная собака, положив огромную тяжелую голову на широкие лапы. Нугзар время от времени бросал взгляд в зеркало заднего вида, любясь Тьмой. И каждый раз она сразу же открывала свои дымчато-серые глаза и внимательно смотрела на хозяина, едва заметно виляя хвостом.

Невесть откуда взявшийся нахал – черный джип «БМВ Х5» – вильнул прямо перед капотом их машины и обогнал на приличной скорости. Нугзар выругался, ударил по тормозам, пропуская «ха-пятый». Через десяток метров тот затормозил у тротуара, а через секунду, догнав, уже ехал рядом. За рулем дорогого джипа сидел рыжий худосочный наглец из тех папенькиных сынков,

которым судьба приносит все мыслимые блага на блюдечке с голубой каемочкой. Уже одно это может взбесить кого угодно. Нугзар высунул левую руку в открытое окно и сделал резкое движение ладонью, будто стряхивал с нее в сторону наглеца невидимые капли воды.

Черный джип паренька мотнуло в сторону, он пошел юзом по совершенно сухой дороге, вызывая проклятия водителей, немилосердно жавших на клаксоны и тормоза. То ли водитель был классный, то ли просто повезло, но ему удалось справиться с управлением, а «чероки» Нугзара, проехав еще несколько сот метров, мягко подкатил к тротуару...

Нугзар остановился напротив дверей магического салона Норы, заглушил двигатель и с довольным видом посмотрел на нее.

– Почему ты отпустил этих сопляков? – рассеянно спросила она, поправляя и без того идеально уложенные волосы и наблюдая в зеркале заднего вида созданный Нугзаром на дороге хаос.

– Сам не знаю, – удивленно произнес Нугзар, – отпустил, и все... А ты хотела вот так?

Он снова резко повел кистью руки в сторону проезжавшей мимо «Волги», и та врезалась в мачту городского освещения. Было видно, что водитель очень сильно ударился теменем о лобовое стекло, а пожилая пассажирка кричит и плачет, сжимая окровавленную голову руками. На лицах у Нугзара и Норы появилось выражение полнейшего счастья, и даже собака на заднем сиденье, казалось, тоже заулыбалась, энергично помахивая хвостом.

– Баловник, – рассмеялась Нора, показав великолепные, белые, как у младенца, зубы.

– Люблю помогать людям, – сказал он, сохраняя серьезное выражение лица, – взять хоть профессора Березкина. Неплохая получилась из него энергетическая таблетка... Ладно, успехов тебе на магическом фронте!

Нора привычно поцеловала Нугзара в щеку и вышла из машины, направляясь к своему салону. Он посмотрел вслед. Да, Нора выглядела очень хорошо, великолепно – ослепительно красивая высокая блондинка в красном платье.

Валькирия... Нугзар запустил двигатель и мягко тронулся с места.

Хотя Дима справился с опасной ситуацией на дороге, ему стало не по себе, и он решил остановиться на некоторое время, чтобы взять себя в руки. Проехав несколько десятков метров, затормозил у тротуара, вытер вспотевший лоб рукавом и поморщился: ссадина на лбу – память о подземелье – дала о себе знать ноющей болью.

– И как это в нас никто не врезался? Видели, как меня долбануло, причем на ровном месте? – спросил Дима удивленно. – А тот мужик на «Волге»! Как его на столб бросило!

– Денек сегодня какой-то паранормальный... – вздохнула Лена. – О, смотрите, может, нам сюда?

Лена высунула руку из окна джипа и показала жестом гида – всей ладонью – на большую вывеску над роскошным гранитным подъездом: «Салон магии Норы Кибельской». Как раз в этот момент в двери салона входила высокая длинноногая блондинка в дорогом красном платье.

– Фигня вся эта салонная магия, – презрительно фыркнула Катя, – в Москве одни шарлатаны собрались, а не маги. Настоящие ведьмы людей сторонятся, живут вдали от больших городов...

– Семиглазка у нас крупный специалист по магии, – хохотнул Шухрат. – Когда поедем к настоящей ведьме Шпилю мозги вправлять?

– Да кончай ты ржать, как баран! – Дима был совсем не расположен к шуткам. – Дело серьезное...

Катя была уверена, что дело гораздо серьезнее, чем кажется Диме, но ничего не стала говорить. Она почему-то боялась признаться ему, что действительно имеет к магии самое прямое отношение.

Станица Шапсугская затерялась в горах, отгородилась от остального мира быстрой горной речкой, а на самом ее краю стоял небольшой беленый дом Натальи Семиглазовой. Ее дом отличался от остальных не только тем, что был на отшибе, но и внешним видом напоминал старика, по недоразумению затесавшегося в компанию молодаяк.

Все дома в станице были светлыми, с чисто вымытыми окнами, а в каждом палисаднике буйствовали краски – каких только растений и цветов не было! Хозяйки соревновались между собой и следили за своими клумбами вдохновенно и трепетно, ревниво примечая малейшие изменения в палисадниках у соседок. Огороды у станичников щетинились кукурузными стеблями, с ними спорили в росте долговязые подсолнухи; розовые помидоры, желтые перцы, фиолетовые баклажаны и оранжевые тыквы выглядывали из зелени грядок и радовали глаз своим изобилием.

А в Натальином доме всегда были наглухо закрыты ставни, кровля покрылась густым зеленым мхом, в палисаднике не росло ничего, кроме лебеды, только куст шиповника возле калитки смягчал картину запустения своими розовыми бутонами. И если в домах станичников мычали коровы, визжали поросята, кудахтали куры, то у Натальи всей живности было только два больших черных кота, один с пронзительно-желтыми, а второй с изумрудно-зелеными глазами.

На котов этих не лаяла ни одна собака, а местные жители крестились и плевались, когда те переходили дорогу, станичники боялись этих котов не меньше, чем самой Натальи, и даже говорили, что она посылает их в станицу в качестве соглядатаев и смотрит их глазами. Сторонились станичники Натальи и больше всего боялись, как бы не явилась она незваной на свадьбу, ведь всем известно – верная примета – тогда счастья молодым ни за что не дожждаться. Потому и приглашали ее в числе первых, но она и не приходила никогда. А услугами ее пользовались только самые забубенные – кому жизни нет от мужа-пьяницы, влюбленные до смерти девки или у кого хозяин на сторону своротился и норовит детей бросить.

Жизнь ведьмы нелегка и одинока, полна событий, требует самоотречения и постоянного стремления к совершенству, потому что нельзя останавливаться: как только ведьма перестает узнавать что-то новое, она должна умереть.

Во все времена люди думали, что знать будущее, видеть зло и добро – великое благо. Дескать, если можешь остеречься сам, предупредить других о грозящей

опасности, то и судьба сдастся и предлагает тебе еще один шанс, чтобы поступить правильно.

Неправда. Очень тяжело нести эту ношу, этот дар давит сильнее самого тяжелого камня, не дает тебе вздохнуть свободно, как самый горький дым. И ты становишься рабом своего дара. Безропотным рабом, почти довольным своим рабством.

Если бы обыкновенные люди знали, как они счастливы от своего неведения! Если бы смертные не пытались настырно заглянуть в грядущее, все было бы проще и правильней, а значит – лучше. И не нужны были бы такие отщепенцы, обреченные владеть тайными знаниями.

Наталья твердо знала, что все мы игрушки в руках Его Величества Случая, который вовсе не случаен, а подчинен строгой закономерности, постичь которую полностью не может никто, кроме Творца. Можно сказать: мол, судьба такая, но фиксированной судьбы не бывает, она имеет несколько вариантов. И только мы сами выбираем сценарий, по которому складывается наша жизнь. Сколько раз каждый человек восклицал с досадой: «Эх, если бы тогда я не опоздал (не пришел, не сделал, не женился), то все было бы по-другому!» И это правда.

Судьба подобна дороге с множеством поворотов и перекрестков, и каждый сам выбирает направление, а после пожинает плоды своего выбора. Люди все разные, одни не обладают никакими сверхъестественными способностями, другие открывают их в себе или получают по наследству от предков...

Наталья залезла по приставной лестнице на чердак, где большими пучками висели под стрехой всевозможные травы, придирчиво выбрала все необходимое для гадания и вернулась в горницу. Навстречу ей, выгнув спины, вышли коты, посверкивая в полутьме горящими глазами.

Сложив травы в таз, Наталья поставила его на стол рядом с большим зеркалом и зажгла свечу. Свечой подпалила пучок, и сразу повалил густой серый дым, растекаясь под низким потолком. Коты недовольно фыркнули, спрыгнули на пол, затаившись под лавкой. Наталья села напротив зеркала и начала говорить: сначала тихо, а потом все громче:

Чистым пламенем запались,

Черным дымом задымись,

В зеркале отразись,

В отражении появись!

Расскажи, сон-трава, про мой сон,

Покажи то, что мне знать дано...

Голос у Натальи был высокий и красивый. Прочитав заговор, она наклонилась к зеркалу и внимательно вгляделась сквозь клубы дыма в серебристое стекло. Отражение дрогнуло, и поверхность зеркала как будто пошла рябью. Наталья озабоченно провела руками над зеркальным полотном, словно выравнивая его. Оно вновь застыло, и вдруг из дымного зазеркалья выскочила громадная собака. Ее ощеренная пасть с огромными клыками оказалась в нескольких сантиметрах от лица гадалки: черную тварь отделяло от нее только зеркальное стекло. И сразу же зашипели под лавкой коты. Собака исчезла.

Проведя по зеркалу рукой, Наталья продолжала вглядываться в серебристую даль. В ней, словно фотография в раме, проступило лицо ее дочери Кати. Но – странное дело – на лице не было глаз! К чему бы это?

Подняв ведро с водой, ведьма залила дымящуюся в тазу траву, бросила туда свечу и положила зеркало вниз стеклом, отнесла таз в угол, села на стул и задумалась. Потом резко вскочила, распахнула дверцы шкафа и вынула дорожную сумку. Раздался робкий стук в дверь.

– Не заперто, входи, Кондратьевна! – крикнула Наталья.

Дверь отворилась, и на пороге возникла крепкая, как зимнее яблочко, румяная старушка.

– Что это, Натальюшка, у тебя дымно так? Чисто пожар! – всплеснула Кондратьевна короткими пухлыми ручками.

– Хорошо, что сама пришла. А то я к тебе бежать собралась... – обрадовалась Наталья.

– Случилось чего? – В голосе Кондратьевны слышалось неподдельное волнение, и смотрела она восхищенно-подобострастно, готовая кинуться на подмогу по первому зову.

Наталья махнула рукой и, не глядя, побросала кое-какие вещички в сумку.

– Ехать мне в Москву надо поскорее – дочку спасать, не то беда будет!

Кондратьевна удивленно вытаращила глаза.

– Как же так, – запричитала старушка, – ты ж ее с таким заклятием в Москву проводила, оберег на все времена...

– Кто-то посильней меня к ней руки тянет, – вздохнула Наталья, – ты уж присмотри тут за моим хозяйством, котов корми... Я не знаю, насколько уеду. Вот тебе денежка на фураж. Спасибо тебе, соседка! Одна ты меня не боишься...

– Да ты что, Натальюшка! – Кондратьевне так редко приходилось слышать от соседки доброе слово, что она встрепенулась. – Да как ты порчу смертную с меня сняла, я за тебя хоть в огонь, хоть в воду! Ты погодила бы маленько, я тебе в дорогу хоть картошечки отварю, огурчиков положу малосольных...

– Некогда, Кондратьевна, все, побежала я на станцию. Ключи под порожком!

И выбежала из дома, забыв даже причесаться. С сосредоточенным видом быстро шла по станице, не глядя по сторонам. Женщины возле магазина, увидев ее, прыснули в стороны, как стайка заполошных кур.

Наталья хмыкнула, заметив, что кое-кто из них торопливо перекрестился. До слуха долетело выпущенное, как камень в спину, слово – ведьма...

Нора ни при каких обстоятельствах никогда не опаздывала на работу, вот и сегодня пришла за пятнадцать минут до начала приема, с независимым видом прошла мимо уже собравшихся клиенток, которые, впрочем, ее даже не заметили, потому что она мимоходом отвела им глаза. Приветливо кивнув толстоморденькой секретарше Лере, Нора переделалась в широкое черное

платье, напоминающее балахон, и, расположившись на диване в уютной, светлой комнатке, выпила чашку кофе, которая уже стояла на столике приготовленная так, как она любила – кофе, сливки и никакого сахара. Комнатка эта служила ей местом отдыха, отсюда можно было попасть одновременно и в приемный покой, и в магический кабинет.

Через минуту Нора заняла свое место за рабочим столом, застеленным черной тканью, и настроилась на общение с клиентами.

Все убранство магической комнаты было тщательно продумано. Нора обустроила кабинет с оглядкой на вкусы толпы. Для нее такой интерьер не имел особого смысла, но впечатлял несведущего в этих делах человека – со стен на посетителя смотрели жуткие черные маски, подсвеченные снизу зыбким пламенем тусклых лампад. На низких столах стояли блюда с устрашающе толстыми иглами; в прозрачной дымчато-серой чаше горкой были насыпаны костяные руны; на краю стола лежали необыкновенные карты, изготовленные из толстой кожи. А посреди круглой столешницы, среди зажженных свечей, располагался большой хрустальный шар на резной подставке красного дерева. Единственной современной вещью на столе был черный пульт переговорного устройства. Вздохнув, Нора нажала на кнопку вызова.

– Давай проси, – властно приказала она расторопной секретарше, которая дрожала перед ней и боялась как огня и, если бы не баснословно высокая зарплата, никогда добровольно не приблизилась бы к этой странной женщине.

Диггер Женя, который в свое время и привел в клуб Диму Сидоркина, уже давно не спускался в свое подземное царство-государство, потому что супруга была против этого увлечения, а он привык уступать. Самого Женю постоянно дергали ребята-диггеры, приставая с предложениями, за которые еще несколько месяцев назад он бы ухватился обеими руками. Свои отказы он объяснял по-разному, чаще всего ссылаясь на болезнь жены. И ему даже не пришлось ничего придумывать: она и в самом деле стала прихварывать все чаще и чаще и даже обратилась к какой-то колдунье за помощью. Лечение стоило дорого, поэтому Женя старался подработать, где только возможно. Жену он очень любил, каждый день старался порадовать, чем мог, хоть грошовым букетиком ландышей или васильков, в зависимости от сезона.

Как раз накануне ее дня рождения, когда Женя остался без копейки в кармане, а подарок надо было купить во что бы то ни стало, ему позвонили из какого-то магического салона. Девушка с приятным голосом представилась как Лера и предложила кучу баксов за сопровождение какого-то толстосума по имени Вадим Михалыч, которому приспичило прогуляться по подземной Москве. Богатенький Буратино подвернулся весьма кстати. Женя сразу согласился. Как говорится, любой каприз за ваши деньги. Пятьсот долларов за каждый час экскурсии показали отличной платой, способной решить его финансовые проблемы.

Женя встретился с Вадимом Михалычем в салоне Норы Кибельской, как оказалось, хорошо знавшей его жену. Переговорив с довольно неприятным бизнесменом, который чувствовал себя хозяином жизни, разговаривал снисходительно и властно, Женя уяснил себе желания любителя приключений и успокоился окончательно: мужичок был непуганый, и стало ясно, что путешествие по обыкновенному коллектору наверняка вызовет у него бурю эмоций.

Женя поклялся себе, что в отместку за барский тон обязательно проведет бизнесмена под ржавым шлюзом, которым диггеры любили пугать чайников. Им объясняли, что шлюз закрывается всегда неожиданно, а неудачника, попавшего под него в этот момент, перерубает пополам, как гильотиной. Впечатлений бизнесмену хватит надолго, и у него появится возможность прихвастнуть перед дамами своими диггерскими подвигами.

Подготовив снаряжение, они забросились через люк в районе Покровских Ворот. Женя объяснил Вадиму Михайловичу, что все самое увлекательное и достойное внимания находится в пределах Садового кольца, так как на окраинах сплошняком идут новоделы, а интереснее всего бродить по историческим местам. Но на этот раз все пошло совсем не так, как представлял себе Женя. С самого начала их преследовали мелкие неудачи в виде то и дело гаснувших фонарей, а потом и вовсе возник какой-то низкий гул, который не стихал по мере их продвижения по темным тоннелям. Звук этот подействовал на бизнесмена неожиданно сильно: тот струсил так, что было заметно, как он дрожит.

«И на фига полез в темноту, раз такой хлипкий?» – с досадой подумал Женя.

Прошли немного вперед: тут фонарь у Вадима начал снова помигивать. Женя уже вошел в роль Хичкока и трагическим шепотом заметил, что это не к добру.

Вадим заволновался и предложил повернуть назад.

– Ну ладно, – с деланным разочарованием согласился Женя, – дойдем до того поворота и будем искать открытый люк.

– Искать? – ужаснулся Вадим. – Почему искать?

– Если хотите, можем вернуться обратно, – покладисто предложил Женя, – но тогда придется пройти под гильотиной. – И он рассказал, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, историю кровавого шлюза.

– Хорошо, – покорно проблеял Вадим, – давайте искать люк.

И вдруг у них за спиной раздался оглушительный рев. Женя увидел в свете фонаря совершенно белую физиономию вопившего от страха Вадима: голоса его не было слышно. Он показывал рукой в глубь туннеля. Нечто ужасное приближалось к ним из темноты подземелья. Женя попробовал бежать, но ноги словно приросли к полу, и сначала он стал свидетелем мучительной смерти Вадима Михайловича, а потом пришел черед умереть ему самому...

Черный джип «БМВ Х5» на огромной скорости подкатил к особняку Сидоркиных и застыл с пронзительным визгом тормозов у кованых въездных ворот. Жилище Сидоркиных отличалось от большинства домов на Рублевке, как барышня-дворянка от разодетых в пух и прах купчих. Большой двухэтажный дом был стилизован под боярские палаты семнадцатого века и выкрашен в благородный белый цвет. Его высокие, с мелким переплетом окна имели полукруглое завершение, крыльцо тоже было выдержано в древнерусском стиле, но соединено с пандусом, по которому можно было подъехать на солидном автомобиле к самым дверям особняка – дубовым, высотой в три метра и снабженным длинными бронзовыми ручками в виде кадукеев.[2 - Кадукей – жезл, обвитый двумя змеями, атрибут Гермеса (Меркурия).]

Дима опаздывал уже минут на пятнадцать. Схватив рюкзак с диггерским снаряжением, он бегом пересек широкий, мощный красной плиткой двор, не снижая скорости, взбежал на пандус, с трудом открыл тяжелую парадную дверь и едва не столкнулся на входе с дворецким – Алексей Сеичем, как привыкли называть его домашние. Торопливо извинившись, Дима попросил его

озаботиться «ха-пятым», швырнул сумку в угол холла и, прыгая через две ступеньки, спустился по лестнице в подвал, где у Сидоркиных был оборудован отличный спортзал и где его дожидался отец. Занятия кэндо были его навязчивой идеей: он надеялся, что японский бой на мече поможет сыну в умении концентрировать внимание и заранее просчитывать свои действия.

В спешке натянув на себя черные латы и пристроив шлем прямо на испачканную грязью физиономию, Дима выбежал на татами... И вдруг прямо перед его лицом мелькнул деревянный меч. Он даже не успел отпрянуть и мог бы получить серьезные повреждения, если бы отец действительно хотел его ударить.

- Нападай! - крикнул отец.

Дима неловко взмахнул мечом и пошел в атаку, но вся серия его ударов была легко отбита. Конечно, он находился не в лучшей форме после подземных приключений и поэтому чувствовал легкое раздражение от своей неловкости. Тут Сидоркин-старший снова перешел в нападение, и сын едва успевал парировать сыпавшиеся градом удары, а последний и вовсе пропустил. Отец остановил бой и снял с лица шлем. Дима последовал его примеру, и Родион с неудовольствием отметил и ссадину на лбу, и размазанные по лицу сына потеки грязи.

- Ты опять не можешь сосредоточиться на бое! - недовольно сказал отец. - А если бы тебе пришлось противостоять настоящему клинку? О чем ты сейчас вообще думаешь?

- Об экзаменах... - ответил Дима, сознавая, что вранье, как всегда, плохо ему удается.

Отец и сын были очень похожи друг на друга: оба с глазами цвета серого нефрита, оба очень высокие и поджарые, темно-рыжие. Только старший Сидоркин носил короткую аккуратную прическу, а у Димы волосы были длинные, до плеч. А еще их объединяло одинаково упрямое выражение лица.

- Ничего подобного! Это отговорка, - возразил Родион. - Ты не хотел выиграть и даже не воспользовался тем, что ты левша! А главное, тебе по жизни ничего не надо, вот что меня беспокоит. Ты меня слушаешь или ворон считаешь?

- Папа, у меня к тебе серьезный разговор! - глядя отцу в глаза, сказал Дима.

Ему давно хотелось поговорить с ним о наблевшем, но тот посмотрел на часы и сказал:

- Не сейчас, у меня весь день расписан. Потом...

Дима с досадой бросил деревянный меч на татами и направился к выходу.

- Хорошо, говори, в чем дело, только быстро... - остановил его Родион, который все время укорял себя за то, что в этой сумасшедшей гонке по имени бизнес не успевает уделить сыну внимание.

- Папа, извини, но я не хочу жениться на Лене Апулевич, - сказал Дима. - Мы с ней абсолютно разные люди.

- И очень хорошо, что разные, - заметил Родион, освобождаясь от лат и аккуратно укладывая их в специальный футляр, - женишься - так остепенишься. А то ползаете под землей, как кроты. Не нравится мне это твое увлечение.

Родиону действительно не нравилось, что Дима вступил в диггерский клуб, да еще и притащил туда своих друзей из университета. Под землей может случиться все что угодно - обвал, например. Вон сейчас в Москве проваливаются целые куски поверхности, подмытые грунтовыми водами или из-за неисправных коммуникаций. А можно и заблудиться, с Димиными способностями искать и находить приключения этот вариант нельзя отнести к разряду невероятных.

Сам Сидоркин-старший панически боялся темноты, подвалов и даже обычных деревенских погребов, пережив несколько неприятных часов в захлопнувшемся подполе у бабушки в доме, где он проводил каникулы. Он был так напуган, что даже не кричал, а наверху взрослые сходили с ума, разыскивая маленького Родиона. И после того как он нашелся, фельдшерица отпаивала бабушку валерьянкой и даже сделала ей какой-то укол. Да и сейчас, будучи успешным и солидным человеком, Родион Петрович так и не избавился от своей фобии, хотя никому в этом не признавался.

– А мне не нравится, что мне придется таскаться за Пулей по рублевским раутам и парти... – возразил Дима с упрямым видом. – Ленка ведь зациклена на гламуре...

– Гламур, тужур, бонжур... Что в этом плохого? – спросил отец, поднимаясь по ступеням в холл. – У тебя есть кто-то другой на примете? Какая-то красотка вмешалась в наши планы?

– Пока не вмешалась, – ответил Дима и сразу подумал о Кате. «Да пожалуй что и вмешалась», – пришло ему в голову в следующую секунду, но он ничего не сказал.

– Ну вот и чудно! – закончил разговор Сидоркин-старший.

«Дети растут так быстро, – подумал он, посмотрев на Диму, – не успеешь оглянуться, а они уже взрослые. И пора думать об удачной женитьбе, потому как негоже жениться на ком попало. Брак он как бизнес – бывает провальным и плодотворным. Лена девочка как девочка – не лучше и не хуже других, а вот ее папенька-олигарх представляет из себя главный приз. Все от этого брака только выиграют, ведь оба отца могут дать своим детям прекрасный старт... Вот только бы уложить поудобнее эти правильные мысли в Димкиной непокорной голове...»

Родион окинул довольным взглядом богато обставленный холл, дорогую, сделанную на заказ мебель, коллекцию средневековых японских мечей, подлинники Хокусаи и Утамаро[3 - Хокусаи, Утамаро – знаменитые японские художники XVIII века.] на стенах: раритеты, стоившие целое состояние.

Ведь все это вкупе с особняком, карманным банком и десятком горнодобывающих предприятий за Уральским хребтом создано благодаря его умению рационально мыслить, владеть собой и управлять временем – как своим, так и привлеченных специалистов.

Дима, понурившись, шел следом за отцом и думал о том, что Лена Апулевич со временем станет точной копией его мачехи Изольды.

Вот и она, легка на помине, спускается со второго этажа, затянутая в элегантное черное платье, которое она называет домашним. Другая женщина не погнушалась бы надеть это платьишко, отправляясь на прием в каком-нибудь

европейском посольстве. Дима едва заметно поморщился. Сейчас начнет учить жить...

Действительно, Изольда не подвела. Разведя руки в театральном жесте сожаления, нарочито удивленно подняла тонкие брови и, старательно модулируя, произнесла хорошо поставленным голосом:

– Боже мой! Димочка! Как ты одет? Почему весь грязный? Представляешь, если тебя увидят родители невесты? Что они подумают о тебе, обо всех нас? И это накануне помолвки!

– Да какая помолвка? – спросил Дима раздраженно. – И вообще у меня сессия! – Он развернулся и отправился к себе в комнату, где с облегчением закрыл за собой дверь.

Настроение было хуже некуда: Диме стало страшно одиноко, да еще и сердце ныло в ожидании чего-то неприятного. И хотя он твердил себе, что это просто обычное нервное возбуждение перед сессией, на самом деле экзамены не имели к предчувствию никакого отношения. Никогда еще он не ощущал себя так странно...

Дима с размаху бросился на застланную коричневым лохматым покрывалом кровать, перевернулся на спину и закинул руки за голову. На противоположной стене в простой деревянной рамке висел фотографический портрет его матери Татьяны, молодой, веселой и очень напоминавшей русалку своими длинными волосами и озорным манящим взглядом. Дима знал, что у Изольды всегда портилось настроение, когда она видела этот снимок, поэтому и повесил его на стену вместо оберега...

Конечно, Изольда старалась не подавать вида, что фото Татьяны ей неприятно, но для Димы не была тайной неприязнь мачехи к рано умершей предшественнице. Ведь при ее жизни Изольда была всего лишь отцовской секретаршей. Но секретаршей умненькой, из тех, кто не желает оставаться игрушкой шефа, а добивается гораздо большего...

Она всегда была наготове с блокнотом и карандашом в руках, одетая в строгий деловой костюм, а не в вульгарное мини. И постепенно ей удалось занять

важное место в жизни Родиона Сидоркина, который сторонился женщин после смерти первой жены. Изольда сопровождала его на приемы и вела себя очень достойно, а на работе никогда ничего не забывала и не путала. И выглядела не доступной девицей, а холеной и уверенной в себе женщиной. Постепенно она окружила шефа почти материнской заботой и стала совершенно необходимой и незаменимой. А потом неожиданно для Родиона призналась в любви, чем удивила его несказанно. Тактика оказалась верной: Сидоркин-старший подумал: а почему бы и нет?

Так Изольда водворилась в доме на Рублевке, где, стараясь изжить память о Татьяне, постепенно все переделала на свой вкус и лад.

Закрывшись в своей комнате, Дима честно пытался позаниматься и даже разложил на столе в художественном беспорядке конспекты и книги, но сосредоточиться не получалось. Он отключил мобильник, посмотрел американскую комедию, где герои перманентно спотыкались, падали или роняли различные предметы себе на голову и ноги, чтобы насмешить зрителей, но смешно не становилось. Не раз и не два он возвращался мыслями к давешнему странному приключению под землей. Ему казалось, что у этого события будет продолжение. Больше всего хотелось позвонить Кате, но он не сделал этого, чтобы не тревожить ее лишний раз: пусть отдохнет и придет в себя, а время для серьезного разговора найдется.

Остаток вечера простоял у открытого окна, глядя на огороженный высоким кирпичным забором двор и площадку перед домом. После смерти матери Изольда, чтобы не платить садовнику, приказала выколоть на участке Сидоркиных всю траву, вырубить деревья и кустарник, а саму территорию выложить красной, похожей на булыжник плиткой. Теперь здесь запрещалось расти даже цветам. Грустно все это!

Два раза Алексей Сеич звал Диму ужинать, но тот отказался. Тогда дворецкий по собственной инициативе доставил в комнату поднос с бутербродами, чашкой и небольшим чайником.

– Нельзя заставлять мозг голодать накануне экзаменов, – сказал старик, – и чай пейте сладкий. Очень помогает, по себе знаю...

– Алексей Сеич, а вы что, в институте учились? – спросил Дима.

– Я закончил физмат МГУ, – с достоинством ответил дворецкий и вышел, тихо затворив за собой дверь.

Дима с неожиданным аппетитом уничтожил бутерброды и почувствовал, что клонит в сон. Сначала он пытался воззвать к чувству долга и почитать хоть что-нибудь для пользы дела, а потом махнул рукой и решил хотя бы выспаться. О подземном происшествии Дима постарался просто не думать.

Он всегда спал отлично, даже во время душевных переживаний сны были спокойными и мирными, но мирный сон, оказывается, легко может перейти в кошмар, в этом он убедился сполна. Сначала Димухватило ночное видение – он убегает от кого-то, и от ужаса движения медлительны и тягучи, каждый шаг дается с невероятным усилием и болью. Он не видел, кто его догоняет, от этого было еще страшнее. Граница между сном и явью стерлась, и теперь Дима не понимал, спит или бодрствует.

Лежа в темноте и глядя в потолок, он глубоко вздохнул и отчетливо увидел, что изо рта вырвался клуб пара, вроде выдоха на морозе, или струя сигаретного дыма. Протянув руку, помахал ею перед собой. Дым разошелся. Попробовал выдохнуть носом и отчетливо увидел две серые струйки. Сердце тревожно забило, потому что Дима здорово испугался и перевел взгляд на серый четырехугольник окна. На стекле появились какие-то светлые изогнутые полосы и начали быстро заплетать окно снизу вверх. Это было похоже на узоры морозные, но не стрелчатые, а более мягкие и изогнутые. Узоры быстро заполнили собой все пространство оконного стекла и, мерцая, осветили комнату странным, каким-то живым светом.

Дима перевел взгляд на свою вытянутую руку, от кончиков пальцев тоже поднимался прерывистый парок. Нормальному человеку свойственно опасаться за свой рассудок, а когда видишь что-то из ряда вон выходящее, опасения удваиваются. Видел он совершенно отчетливо. Конечно, понятно, что такие вещи просто не могут происходить в реальности, но может быть, так и проявляются галлюцинации? Кто докажет, что эти полуразмытые видения на самом деле существуют? Разглядывая пар, который вырывался из ноздрей, Дима незаметно для себя уснул.

Во сне он находился в темном помещении: ни дверей, ни окон не было видно, и Дима стал обходить комнату по периметру, ведя рукой по шероховатой влажной стене.

- Кажется, это подвал, - произнес он как можно громче, и эхо повторило слова, вселяя в него уже не просто страх, а ужас на грани паники.

Вдруг его рука провалилась в пустоту, и он бросился в этот странный, невидимый ход не раздумывая, а вышел из дверей ветхого, завалившегося набок домика на поляну, неправдоподобно густо усеянную ромашками. Поляна имела необычную форму почти правильного треугольника. Он никогда бы не поверил, что такое сказочное место существует на самом деле, но тем не менее стоял в самом центре странной поляны.

- Где я? - растерянно произнес Дима и дернул себя за волосы.

Ему стало больно. Разве нормально во сне чувствовать боль? Он на минутку допустил, что это и не сон совсем, но тут же отогнал эту нелепую мысль. Если не сон, то что тогда?

Неподалеку виднелись три огромных, неохватных дуба, вокруг к поляне подступали горы, поросшие лиственным лесом и невысокими корявыми соснами, а еще дальше виднелись дольмены - древние сооружения из огромных камней.

При взгляде на них по спине у Димы побежали мурашки, и возник резонный вопрос: какой великан сумел так старательно и аккуратно взгромоздить эти многотонные глыбы друг на друга? И что это: древнее капище, доисторическая обсерватория или алтарь для принесения кровавых жертв забытым давним богам?

Непостижимо! Дима вдруг осознал, что не спит, все говорило ему об этом: и свежий, прохладный горный воздух, и стрекотание сверчков, и невыносимое чувство жажды. Значит, это не сон, это - реальность, хоть и очень напоминающая иллюзию.

Очень хотелось пить: в горле пересохло, во рту такое ощущение, будто язык обернут наждачной бумагой. Дима решил обследовать окрестности. Направляясь в глубь леса, попытался посмотреть на происходящее глазами

взрослого, умудренного жизненным опытом человека, но ничего не выходило, потому что увиденное не укладывалось в привычные рамки.

Колодец Дима увидел издалека, хотя тот почти сравнялся краями с землей, быстро подошел и заглянул внутрь – колодец был пуст. Вот досада! Он продолжал смотреть вниз, пока не заметил какое-то едва уловимое движение на сухом каменистом дне.

В последнее время ему часто приходилось бояться, но сейчас он буквально облился холодным потом от страха. Пятясь, оглядываясь и спотыкаясь, поспешил отойти подальше. Уселся на камень, не сводя глаз с колодца, и замер. Спустя несколько мгновений из колодца показались корявые руки, цепляющиеся за полуразвалившуюся кладку бортов, затем всклокоченная седая голова и, наконец, появилась древняя старуха, одетая в невообразимые лохмотья.

Дима не заметил в колодце никакой лестницы, как же оттуда выбралась бабка? Наверное, это все-таки сон, хоть и очень реалистичный. Старуха остановилась в трех шагах от колодца, повернулась к Диме лицом. Он встал и пошел навстречу: ну правда, нет оснований бояться какой-то старушки, вероятно местной бомжихи.

– Здравствуйте, бабушка! – бодро крикнул Дима, предположив, что женщина туга на ухо, больно уж древней она казалась. – Подскажите, где здесь попить можно?

Старуха подвинулась в его сторону метра на три. Именно подвинулась, потому что она не шла и не перебирала ногами. Лицо ее напряглось, глаза сильно расширились, и Дима с содроганием заметил, что они незрячи: у нее бельма. Она принюхалась, как собака, и вдруг из тонких синих губ у нее резко выскочил тонкий, как жало, язык – длиной сантиметров тридцать! Старуха зашипела, как змея, и приблизилась, ничего для этого не делая, еще метра на три.

Издав вопль, Дима кинулся бежать, да так быстро, как никогда в жизни. За ним гналась какая-то непонятная нечисть. В том, что это была именно нечисть, Дима почему-то совершенно не сомневался. Неожиданно дорогу преградил смуглый, красивый мужчина с глазами такими черными, что не видно было зрачков... В правой руке у него была длинная, сверкающая на солнце рапира. Другой рукой он отстранил Диму, сделал выпад и насадил старуху на тонкий клинок, как на

вертел...

В вестибюле литфака МГУ у дальней по отношению ко входу стены поставили тонконогий столик с большим портретом покойного профессора Березкина. Фотографию для увеличения подобрали неудачно, изображение получилось слегка размытым и поэтому слегка потусторонним, зато траурный бант в правом нижнем углу напоминал черную хризантему и был пугающе реален.

Рядом с портретом на столике, покрытом черным плюшем, стояла высокая хрустальная ваза с двумя белыми гвоздиками. Каждый, кто входил в вестибюль, встречался глазами с покойным профессором. Многие отводили взгляд и старались пройти побыстрее мимо этого алтаря смерти.

Неподалеку от выхода из вестибюля стояли Лена Апулевич, Шпиль, Катя и Шухрат. Ждали Диму, но он запаздывал, что было для него самым обычным делом.

– Профессор Березкин, кажись, дома парашют забыл... – ляпнул Гарик, мотнув головой в сторону фотографии.

– Дурак ты, Шпиль! Это не повод для стеба... – Катя укоризненно посмотрела на легкомысленного приятеля.

– Жаль Федора Демосфеныча, – вздохнул Шухрат, – я ниже тройки у него никогда не получал... Он добрый был...

– Где же Дима? – Лена бросила на Катю подозрительный взгляд, словно та могла прятать Диму в кармане.

– Лишь бы на экзамен не опоздал... – вздохнул Шухрат, который очень надеялся на Димкины подсказки.

Шпилевский первым углядел Сидоркина в небольшой толпе студентов, только что подошедших к портрету Березкина, и помахал ему рукой. Дима направился к ним, поздоровался, крепко пожал руки Шпилю и Шухрату, кивнув девочкам в знак приветствия. Лена и Катя сразу заметили, что он более бледный, чем обычно, а под грустными глазами залегли у него темные круги. Будто заболел

или не выспался.

В коридоре рядом с аудиторией, где должен был проходить экзамен, стоял ровный гул – студенты обсуждали одну только новость: кто будет принимать у них экзамен вместо милого их сердцу Демосфеныча?

Появился замдекана, высокий, начальственного вида господин с небольшой бородкой и манерами барина. Впечатление это усиливали похожие на старомодное песне очки, криво сидевшие у него на середине носа. Обычно студенты никогда не видели его во время сессии. Рядом с ним шел смуглый черноглазый человек в темно-синем, очень дорогом на вид костюме-тройке.

У Димы часто-часто забилось сердце и перехватило дыхание, словно на него вылили ведро ледяной воды: это был человек с рапирой из его сна! Прежде чем зайти в аудиторию, человек оглянулся, просканировал студентов взглядом и задержал его на секунду на Диме. Никто этого не заметил, а Дима, глядя на закрывшуюся дверь, почувствовал дрожь возбуждения.

Староста вызвал первых экзаменующихся, и в коридоре на несколько мгновений воцарилась полная тишина. Затем гул голосов, сопровождаемый лихорадочным шуршанием книжных страниц и хитроумно, в духе оригами, сложенных шпаргалок, снова возник и усилился. Многие из студентов, закрыв глаза, пытались заучить все, чем пренебрегали в течение всего семестра. Поэтому коридор жужжал, как рой потревоженных пчел.

Шухрат тоже что-то бубнил себе под нос, пока Шпилевский не толкнул его локтем.

– Да брось ты, Кум, все равно перед смертью не надышишься. Нет повода для беспокойства – ты же не знаешь ничего, – весело подмигнул он приятелю и громко рассмеялся.

На Гарика сразу же с негодованием уставилось несколько человек. В это время дверь аудитории распахнулась, из нее вывалился в коридор тощий и анемичный Стас Заворотнюков, однокурсник ребят и полный пофигист по убеждениям.

– Ну как? – бросилась к нему Лена.

– Пара, – ответил с досадой Стасик. – Это не препод, а инквизитор! Торквемада хренов, всех топит, как Герасим Муму...

– А как его зовут? – поинтересовался практичный Шухрат.

– Джугаев Нугзар Виссарионович...

Дима вошел в похожую на амфитеатр аудиторию и решительным шагом направился к кафедре, где за длинным столом в гордом одиночестве восседал новый черноглазый преподаватель. Дима поздоровался, протянул свою зачетку. Преподаватель внимательно оглядел его с головы до ног и, улыбнувшись как-то странно, будто и без улыбки, жестом предложил тянуть свой номер из пасьянса разложенных на столе листочков.

– Билет номер тринадцать... – дрогнувшим голосом сообщил Дима.

– Да вы везунчик, Сидоркин! – сказал экзаменатор, заглянув в Димину зачетку. – Та-ак... И о чем мы будем с вами беседовать? – Голос Нугзара источал медовую сладость.

– Проблема рока в античной литературе на примере древнегреческих мифов и трагедии Софокла «Царь Эдип», – сказал Дима, довольно невежливо рассматривая преподавателя.

Несколько секунд они словно играли в гляделки, пока первым не отвел взгляд Нугзар.

– Чудесно! – с издевательским энтузиазмом воскликнул он, потирая руки. – Может, хотите отвечать без подготовки? Тогда один балл пойдет плюсом... Даже если получите пару, уйдете с тройкой. Ну так как?

Пространство рядом с Димой вдруг странно сгустилось, по воздуху прошла едва заметная оптическая волна, и все звуки исчезли, будто он на секунду оглох. Ощущение это прошло так же внезапно, как и появилось, и Дима увидел, что преподаватель смотрит на него настороженно, пытаясь, казалось, взглядом пронзить насквозь. Внезапно Диму охватил гнев, как это бывает, когда

противник, соперник или враг глумится и смеется тебе в лицо. Дальше молчать было нельзя.

– Хорошо, я буду отвечать без подготовки. Рок у древних греков был тесно связан с представлением о неотвратимости предначертаний судьбы, – бодрым голосом начал он...

Вообще-то Дима как раз недавно читал и о неумолимом роке, и о несчастном царе Эдипе, поэтому ему было что рассказать. Неприятная слабость, которая охватила, едва он начал говорить, быстро прошла. Сначала довольно бойко рассказал о трех мойрах, то есть богинях Судьбы. И даже вспомнил, что Лахезис назначает жребий человеку еще до рождения, Клото прядет нить его жизни, а Атропа ее перерезает. Значит, Лахезис – это, грубо говоря, случай, Клото – качество жизни, ведь нить может быть из тончайшего шелка, а может из грубой шерсти, тогда как Атропа олицетворяет неизбежность рока.

Дима говорил бы еще, но Нугзар совершенно неожиданно перебил его вопросом: каким еще именем римляне называли Атропу? Ответа Дима не знал, и преподаватель, посокрушавшись в связи с падением уровня знаний нынешних студентов, сказал, что римляне называли ее Морта, то есть Смерть. И попросил изложить в двух словах суть «Царя Эдипа» Софокла.

С содержанием «Царя Эдипа» особых трудностей не возникло, и Дима вполне связно пересказал суть трагедии. Неумолимый рок преследовал несчастного Эдипа от рождения до самой смерти. Боги предначертали, что Эдип убьет своего отца и женится на собственной матери. Чтобы изменить судьбу, он ушел от приемных родителей и, странствуя, встретил настоящих отца и мать, не подозревая об этом. И случилось то, что было предсказано.

– Но не все просто в этой истории, – продолжал свою мысль Дима, – Эдип был наделен от природы буйным нравом, поэтому изначально мог совершить эти ужасные преступления. И если бы он понял предсказание как совет держать свои страсти в узде, то все могло бы закончиться хеппи-эндом. Но характер – это и есть судьба. И когда Эдип понял, каким слепцом был, то в знак раскаяния выколол себе глаза. То есть совершил судьбоносный поступок! Поэтому главная мысль трагедии заключается в том, что не боги вершат судьбу, а сам человек, потому что он наделен свободной волей.

Нугзар иронически улыбался, глядя на Диму, и некоторое время молчал, потом неопределенно хмыкнул:

– Свободной волей, говорите... Так-так... Интересная интерпретация, я бы сказал, далекая от канонов литературоведения. По моему скромному мнению, все было наоборот. Рок не может не свершиться, и он свершился. А скажите-ка мне, Сидоркин, какой театральный прием использовали античные актеры, чтобы отобразить факт ослепления Эдипа?

Дима был уверен, что отвечает хорошо, и даже не ожидал, что преподаватель начнет его топить на таких мелочах. Вопрос оказался совсем некстати...

– Факт ослепления... Изображался... Изображался приемом... – Дима смешался и замолчал.

Нугзар выглядел очень довольным, только что не потирал руки. Он насмешливо смотрел на Диму, словно поставил для себя задачу непременно вывести его из себя.

– Я уверен, что покойный профессор Березкин говорил вам об этом на занятиях. А вы, Сидоркин, подозреваю, забили и на лекции, и на сей факт. Не станете отрицать? Что же вы молчите?

После монолога о пагубной привычке не посещать занятия преподаватель попросил Диму ответить, в чем заключается принципиальное отличие античного театра от современного. Дима опять промолчал. Он никак не мог сосредоточиться: казалось, черноглазый преподаватель упивается его гневом и раздражением, словно хорошим вином, чуть ли не смакуя и причмокивая от удовольствия.

– Они играли в масках! – вдруг вспомнил Дима.

– Замечательно! – обрадовался Нугзар. – И, что самое остроумное, после самоослепления царя Эдипа актер, его игравший, менял прежнюю маску на другую, с красной, то есть с кровавой, обводкой вокруг отверстий для глаз...

Дима почувствовал себя мышью, которой забавляется кошка. И вдруг со зрением у него что-то произошло: он увидел черноглазого преподавателя одетым в старинное кавказское платье с газырями. Его тонкую талию охватывал узкий пояс, весь в серебряных узорах, а в ножнах на поясе висел кинжал с рукояткой в виде собачьей морды с оскаленной пастью. Волосы на голове Нугзара были обриты, зато бросались в глаза тонкие усики под похжим на орлиный клюв носом и трехдневная темная щетина на впалых щеках, отчего глаза его казались еще больше, а сам он выглядел гораздо старше, чем минуту назад.

Дима растерянно огляделся по сторонам, но, видимо, никто больше не заметил метаморфозы, произошедшей с экзаменатором. За нижними столами амфитеатра, сосредоточенно шевеля губами, готовились несколько студентов из его группы, время от времени поднимая рассеянный взгляд к высокому потолку. Дима зажмурился, а когда открыл глаза, Нугзар выглядел вполне современно в своем темно-синем костюме, с шапкой ухоженных черных волос и тщательно, до синевы выбритыми щеками.

– Что вы жмуритесь как кот, а, Сидоркин? – насмешливо спросил преподаватель. – И смотрите на меня так, словно на мне что-то нарисовано?

– Сам себе удивляюсь, – не вдаваясь в подробности, довольно наглым тоном ответил Дима.

Нугзар уперся в него недовольным взглядом и вдруг делано улыбнулся. Он сообщил, что, конечно, сдержит свое слово и прибавит балл к его оценке – к двойке. В итоге получится тройка. Но, учитывая прискорбную небрежность в посещении Сидоркиным занятий, один балл снимается. И в итоге выходит твердая пара.

Такого оборота дел Дима не ожидал: он застыл на месте, потрясенный до глубины души учиненной несправедливостью.

– А теперь ответьте мне на вопрос вне программы, если можете, конечно... – сказал Нугзар с преувеличенной ласковостью. – Как вы думаете, мойры властны над Юпитером или Юпитер над мойрами?

– Юпитер над мойрами, – ответил, не раздумывая, Дима и направился к выходу.

Открыв дверь, он обернулся: Нугзар Виссарионович с растерянным видом смотрел ему вслед.

Нора пришла домой немного взвинченной. В салоне было два трудных случая подряд. Одна из женщин вообще ни во что не верила, считала все непонятное шарлатанскими трюками и задавала идиотские вопросы, а у другой был настолько сильный ангел-хранитель, что Нора почти ничего не смогла предпринять, да и погадала очень неудачно: все прошлое было скрыто полупрозрачной дымкой. Немудрено было напутать.

Стараясь не сорвать злобу на секретарше, Нора отправилась домой пораньше. По дороге заехала в супермаркет, чтобы купить Нугзару бананы, которые тот обожал. Она любила бывать в «Рамсторе» и обязательно проходила по рядам магазинчиков, торгующих достаточно дорогими вещами, возле них всегда скапливались в большом количестве зависть и несбыточное желание обладать. Нора собирала их, как иная девушка полевые цветочки.

Проходя по рядам выставленных с профессиональной соблазнительностью продуктов, она выбирала те, где хотя бы теплились остатки энергии. Поднимаясь по грязным ступенькам своего подъезда, специально постояла на площадке второго этажа, где валялись использованные шприцы. Энергетика наркоманов для нее – особое лакомство, сродни крепкому сладкому вину. Чуть-чуть дурманит и действует очень расслабляюще. Нора легонько улыбнулась.

Нугзар... Они так хорошо дополняли друг друга... Хотя он сильнее ее, но не так хитер, и манипулировать личностью у него получается хуже. И сейчас они уже делят власть между собой, стремясь вырваться вперед и овладеть заветным титулом единоличного хозяина Тьмы. Им кажется, что они понимают, как тяжело это бремя, но оба ошибаются...

Нугзар все время играет на примитивных страстях и сиюминутных желаниях. А Нора изыскивает для каждой жертвы утонченную нравственную пытку, она прирожденный политик, но в ответственный момент может и растеряться на мгновение.

Нора уже высмотрела себе новое развлечение – студента Стасика, который стал законченным наркоманом год назад. Нора заметила его в хрустальном шаре и

время от времени навещала в собственных его галлюцинациях. Ей очень нравилось пугать молодого человека, – уж больно уморительная была у него реакция. Еще немного – и он сам полезет в петлю.

Это закономерный конец для таких, как он. И передоз – самое гуманное окончание никчемной и пустой жизни. Кто-то выходит в окно, кто-то навстречу поезду или автобусу. Все просто. Если бы они только знали, что ожидает самоубийц на том свете! Самое большое преступление против Бога – убийство самого себя, и если убийство другого человека можно хотя бы частично отмолить, да и в разных обстоятельствах случаются эти убийства, то этот грех уже не исправить.

А родственники самоубийц! Они тратят все силы и нервы, идут на подкуп врачей, чтобы те дали им справку о временном умопомешательстве покойного. Короче говоря, согласны на все жертвы, лишь бы похоронить по обряду – отпеть и прочее и прочее. Заказывают молебны. Если бы они знали, как они заставляют страдать и так уже измученную душу! Она не может попасть туда, куда ей положено, и превращается в неприкаянного, блуждающего духа, которому нет ни отдыха, ни пристанища. А сама земля освященного кладбища становится мучителем и давит на душу тяжким грузом.

Наталья стояла в коридоре покачивающегося вагона, ухватившись за поручень, и с удивлением смотрела на свежеразкрашенные ангары и гаражи на самом подъезде к вокзалу. Когда она была в Москве последний раз, все было по-другому – здания выглядели обшарпанными, серые бетонные заборы расписаны граффитти так, что на них живого места не оставалось.

Из дому пришлось уезжать в такой спешке, что она не успела уделить достаточно времени своему туалету и теперь чувствовала себя не очень комфортно в простеньких юбке и кофточке. Она отвернулась от окна и пошла в купе за дорожной сумкой, а наперерез уже двинулись – с баулами и тележками – возбужденные пассажиры, которым не терпелось попасть в тамбур первыми, хотя перрон еще не показался. Особенно усердствовал кряжистый мужичок небольшого роста. Он, как муравей, тащил на плече тяжелый фанерный ящик с яблоками и перекрыл на некоторое время узкий коридор вагона.

Поезд вздрогнул, словно живой, и остановился. Высокая, похожая на стюардессу проводница в пилотке открыла дверь, пассажиры повалили в толпу встречающих, и такая поднялась вокруг суета и толчея, что Наталья, усмехнувшись снисходительно, решила некоторое время посидеть в купе. Наконец в коридоре стало посвободней, и она тоже вышла из поезда. На перроне толпа стала еще гуще. Все смешалось – и встречающие, и приехавшие. Чемоданы, узлы, огромные клетчатые сумки, люди, запах вокзала, крики на разных языках, говор толпы, то отрывистый, то певучий, то гортанный, – все это оглушило отвыкшую от города женщину, и она остановилась, отыскивая глазами брата.

Давешний низенький мужичок с фанерным ящиком, разворачиваясь, чиркнул ее по плечу острым углом, но даже не оглянулся. И сейчас же выступила кровь: на рукаве Натальиной белой скромной кофточки появилось алое пятно. Она бросила сумку на перрон, зажала плечо ладонью, чтобы хоть как-то унять кровь, и вдруг увидела брата, который пробирался к ней между спящими людьми, ведя за руку внучку Сашеньку. При виде трогательной хрупкой детской фигурки в голубом сарафанчике и мрачного бледного личика с грустными серыми глазами Наталья чуть не заплакала: сердце у нее болезненно сжалось. И в ту же секунду ее крепко обнял брат.

– Привет, Майор! – заулыбалась она, прижимая к себе рукой голову Сашеньки.

Брата звали Майором с детства, потому что еще совсем крохотулечным пацаненком на вопрос, кем ты хочешь стать, отвечал гордо: «Дедом-майором».

Дед их и вправду был майором, как и прадед. Точнее, прадед был есаулом царской службы. А брат Натальин и вправду стал военным и дослужился-таки до майора. А потом сразу ушел на пенсию. Сотни таких голубоглазых и моложавых военных пенсионеров копаются в земле на подмосковных дачах, ходят по грибы, любят пропустить рюмочку-другую за обедом, но в данном случае это добродушие было не более чем маской. В этом крепком старике чувствовалась сила, и было в его облике при ближайшем рассмотрении нечто зловещее и опасное.

– Здравствуй, сестра! Где это ты поранилась? – озабоченно спросил Майор.

– Во-он тот мужик, – Наталья показала рукой на обидчика, – зацепил ящиком и даже не оглянулся...

Майор кинул ему вслед тяжелый взгляд, и сразу же руки у мужичка ослабли, разжались, а ноги подкосились. Он упал на перрон, слетевший с плеча ящик раскололся на кусочки, как стеклянный: во все стороны, словно мячики, покатались спелые красные яблоки. Саша встала на цыпочки, дотянулась до Натальино плеча маленькой ладошкой и прикрыла ее рану. Когда девочка убрала руку, на рукаве не осталось даже кровавых следов.

– Ай да Саша! – Наталья поцеловала девчонку в бледную щечку. – Ох, сильна...
Наших кровей!

Майор довольно ухмыльнулся.

– Все молчит? – спросила Наталья.

– Молчит, а дело свое знает. Горюшко горькое... Поехали к нам, Наташа, дома поговорим.

Замдекана перехватил Нугзара в вестибюле литературного факультета у столика с траурным портретом профессора Березкина. Новый преподаватель, заложив руки за спину, разглядывал фото с каким-то странным выражением лица: то ли довольным, то ли снисходительным. Замдекана с решительным видом оторвал его от созерцания портрета и с укором в голосе заявил, что еще ни разу экзамены не проходили на факультете столь провально, как в этот раз. Сплошные двойки...

– Может быть, вы все же чрезмерно строги к студентам? – спросил он.

– Я? – искренне удивился Нугзар. – Что вы, я очень мягкий человек. Иногда слишком мягкий...

При этих словах он так сверкнул глазами, что у замдекана пропала охота спорить. Его охватил необъяснимый страх, непонятное беспокойство, а еще желание оказаться подальше от Нугзара Виссарионовича, и гори экзамен синим

пламенем вместе со студентами, если этот странный человек того пожелает. Лишь бы он не смотрел вот так – вытягивая жизненные силы и, казалось, замедляя биение сердца чуть ли не до полной остановки.

– Я пойду, пожалуй, – заискивающе доложил замдекана, – у меня еще дела там... Кое-какие... Не возражаете?

– Ступайте, конечно, дела важнее всего, – с преувеличенно серьезным видом ответил Нугзар, но в глазах у него плясали бесы.

Нугзар давно привык, что зачастую наводит на людей необъяснимый страх, и ему это нравилось. Так было всегда, с самого детства... И он улетел мыслями в прошлое. Вышло так, что он знал о своем предназначении всегда. Его побаивалась мать, отец никогда не наказывал, и маленький Нугзар мог беспрепятственно ходить на голове, переворачивать все в доме вверх дном и дерзить, а родители старательно делали вид, что этого не замечают.

Когда ему исполнилось семь лет, у матери стал увеличиваться живот. Значит, скоро на свет появится его брат или сестра. Нугзар был уверен, что ему придется несладко – родители и так не очень любили его и старалисьшний раз не связываться, а теперь будет повод его и вообще не принимать в расчет.

Мать все больше сторонилась сына, и однажды он услышал, как она сказала отцу: «Прошу тебя, отправь дьяволенка к своему дяде, ему там самое место».

К тому самому дяде, который еще до рождения Нугзара знал, что это будет за ребенок, и потребовал назвать младенца своим именем...

Отец размышлял недолго. Он пренебрег тем, что так не принято поступать в приличных семьях и люди могут не понять такого жестокого отношения к сыну, к первенцу! Родители Нугзара быстро собрали нехитрые пожитки, мать связала его постель в большой узел, и мальчика отправили в горы, в маленький аул из десятка хижин, прилепившихся, будто соты, к склону крутой горы.

Маленький Нугзар посмотрел в глаза старому Нугзару, и они обменялись удивительно похожими кривыми улыбками. А глаза у обоих были такими

черными, что не видно было зрачков.

Он больше не вспоминал о родителях и привязался к деду со всей пылкостью никогда еще не любившей души. Мальчик ничем не огорчал своего воспитателя, хорошо учился, проходя до соседней деревни, где была школа, около семи километров. Помогал по хозяйству, и виноградник их был лучше, чем у соседей, а козы давали больше молока.

Справив десятилетие Нугзара, дедушка стал постепенно, не торопясь открывать перед ним тайное знание. Мальчик впитывал его, как сухая земля дождевые капли. Все запоминал с первого раза и никогда ничего не путал. Вскоре стал проверять свои способности на людях. В селении вспыхнули скандалы, драки, стали процветать воровство и пьянство. Случались и смерти, вроде бы нечаянные.

Перед своей кончиной дедушка передал ему Дар и Силу. С тех пор для Нугзара не было ничего невозможного. Он еще некоторое время жил в сакле старого Нугзара, а затем, почувствовав уверенность в себе и охваченный желанием перемен, покинул ставший родным дом. Ему не хотелось к родителям, но, поколебавшись, он все-таки постановил заглянуть в отцовский аул. Калитку открыл хорошенький кудрявый мальчик, удивительно похожий на него самого. Отодвинув ребенка плечом, как неодушевленный предмет, Нугзар громко позвал мать.

Она выскочила из дома так быстро, словно стояла за дверью. Он молча рассматривал ее: постарела, поседела, а в глазах все тот же страх перед ним. Предательница. Пока еще была жива бабушка, маленький Нугзар получал то, что должна была дать ему мать – любовь женщины к своему чаду, а после бабушкиной смерти ему ни разу не перепало даже поцелуя в лоб. Перед тем как уйти навсегда, Нугзар послал в лицо матери страшное древнее горское проклятие. Больше он никогда не интересовался своей семьей, да и не хотелось ему знать, что с родными происходило дальше. Он искренне считал своим отцом самого Дьявола. Только Дьявол может помочь укротить и обмануть Смерть. Только он...

Как-то у Нугзара спросили, что же такое, по его мнению, Дьявол. Что он мог ответить глупым людям? Дьявол – персонифицированное зло, квинтэссенция зла, наделенная высочайшей способностью творить. И хотя его творчество нельзя назвать созидательным, оно впечатляюще и масштабно. Следы его живой

деятельности проявляются во всем, начиная от кровавой войны, заканчивая банальным ругательством, произнесенным в запале. Жизнь человека проходит под его бдительным оком, он любит и ценит человека и относится уважительно к его страстям.

Царство Дьявола велико есть, а власть безгранична. Слуги преданны и, ступив раз на путь тьмы, уже не возвращаются к свету. Не то что верующие в Бога, которые часто сомневаются, грешат, изменяют своим принципам, но чаще всего возвращаются на дорогу, ведущую к Храму. Зато слуги Дьявола, по крайней мере, более последовательны. И чертовски умны...

Проводив взглядом ретирующегося замдекана, Нугзар не удержался и издевательски подмигнул слегка размытому изображению профессора Березкина. Лицо на фотографии исказила гримаса испуга, а белесенькая девчушка в короткой юбочке, стоявшая рядом с портретом, упала в обморок – прямо на руки едва успевшего подхватить ее однокурсника.

Майор с внучкой Сашей жили в спальном районе на востоке Москвы – Гольянове. Наталье, привыкшей к вольному воздуху станицы, к прогулкам по белой от ромашек поляне под неохватными дубами, кроны которых, казалось, упираются в синее жаркое небо, сначала было душно в квартире брата. Но через некоторое время ей стало так же спокойно и уютно, как и в собственном доме. А вид с одиннадцатого этажа на огромный парк – Лосиный Остров – и городские массивы поражал воображение, особенно когда она представляла, что за окнами всех этих домов живут люди со своими удачами и неудачами, бедами и радостями, счастьем и несчастьем.

Наталья, освободив брата от забот по дому, собрала на стол, заварила крепкого чаю и расставила на голубой клетчатой скатерти парадные пузатые оранжевые чашки. Сашенька слегка оттаяла, когда в доме появилась Наталья, но ни разу не улыбнулась тетке, хотя та изо всех сил старалась ее развеселить.

В углу комнаты, неподалеку от окна, находился Сашин письменный стол, полированный, допотопный, но стоявший на нем ноутбук был последней модели, и Саша ловко с ним управлялась, к удивлению Натальи, которая совершенно не разбиралась в современной технике.

Над диваном, на старом ковре в глухих бордовых тонах, на специальных крюках висела старая казачья шашка с полосатым георгиевским темляком. Наталья провела ладонью по изогнутым ножнам. За шашкой ухаживали – на ней не было ни пылинки. На этажерке она заметила бабушкин хрустальный шар на черной резной подставке. И веяло от этих вещей таким теплом, такой силой, что Наталья не могла сдержать радостной улыбки.

Потом Семиглазовы долго пили на кухне чай, красновато-оранжевый, терпкий, и говорили друг с другом так, словно только вчера расстались. Майор был старше Натальи всего-то на год, но считал себя ее защитником и покровителем с малолетства. Вот только с тех пор, как он ушел в армию, виделись они очень и очень редко, буквально несколько раз.

Непростым был их колдовской род, а личная жизнь – несчастливой, ведь всем известно, что если колдун или ведьма и полюбят, а тем паче свяжут себя узами брака, то не жить долго их избранникам... Так вышло и у Майора, и у Натальи. Они оба, похоронив супругов, безвременно и трагически погибших, воспитывали детей: одна – дочь, другой – сына. И вот теперь они вспомнили дорогих усопших и выпили за упокой их душ по рюмке сладкого вина.

– Молчит моя Сашенька, – посетовал Майор, – и все ведовство мое прахом, ничего сделать не могу. Ничего, Натальюшка...

– Коля, я посмотрю девочку, ладно? – спросила Наталья.

– Смотри, – махнул рукой Майор, – может, у тебя получится. А я ничего не вижу, как пеленой все затянуто...

Наталья встала из-за стола, подошла к Сашеньке сзади и опустила ладони ей на голову. И сейчас же ее словно отбросило назад, ударило стеной нестерпимого жара, словно взрывной волной. Явственно слышался грозный гул огня, жадные языки пламени вырывались из дверного проема, а все пространство горячей квартиры полыхало с неистовой мощью. Дикий, животный крик ударил по барабанным перепонкам и отозвался в каждой клеточке тела. Страх наполнил сердце, она ощутила отчаяние погибающих людей настолько глубоко и сильно, что сама закричала от боли.

Видение было таким ярким, что не отличалось силой ощущений и эмоций от реальности. На обгорающей стене Наталья увидела большую семейную фотографию в рамке. На ней осталось только изображение совсем маленькой Саши, а ее стоявшие по бокам родители сгорели дотла, и фотография обуглилась, осыпаясь свернувшимися от пламени краями. Огонь запылал еще сильнее, гул перешел в ровное мощное гудение, и стены стали рушиться, погребая под своими останками людей.

Обгоревшая до неузнаваемости женщина с пылающими волосами выбросила в окно совершенно не пострадавшего ребенка, и сразу же вслед за этим поднялась сплошная стена огня, отрезавшая мать от оконного проема...

Лицо Натальи исказилось от сильной боли, слезы хлынули из глаз, и, когда она отняла руки от головы девочки, у нее на ладонях вздулись пузыри ожогов. Саша поймала руки Натальи, сжала их в запястьях и, наклонившись, дунула по очереди на ладони. Жуткие пузыри и кровоточащие трещины уменьшились на глазах, а через некоторое время исчезли вовсе.

– Спасибо, милая, – сказала Наталья девочке, – ты умница!

Майор утер выступившие слезы, стесняясь их, как и любой сильный мужчина.

– Сына со снохой огонь взял, а Сашеньку отпустил... Только вот молчит с тех пор моя внучка. И не улыбается...

– Тяжкий это груз, – вздохнула Наталья, – и не каждому взрослому по плечу...

Саша кликнула на клавиатуре компьютера: из принтера медленно выполз рисунок: девочка на фоне горящего дома, окно, окруженное языками пламени, и в нем две фигуры с воздетыми руками – мужская и женская...

Алексей Сеич в силу своего статуса мажордома старался пребывать в курсе всех событий на вверенной ему территории. Он знал, что Дима уехал в университет сдавать экзамен, и очень за него переживал. Старик относился к Сидоркину-младшему как к собственному сыну, тем более что своих детей у него не было. Поэтому, когда Дима буквально ворвался в холл особняка на Рублевке, да еще

пнул перед этим тяжелую входную дверь ногой так сильно, что гром пронесся по всему дому, дворецкий понял, что случилось страшное. Он сразу заметил, как расстроен его любимчик, ну просто лица на нем нет.

– Ну как наши успехи, Дмитрий Родионович? – поинтересовался дворецкий, выходя навстречу с сочувственной улыбкой на покрытом морщинами лице.

– Полный облом, Алексей Сеич, – ответил тот, швыряя сумку на диван и садясь рядом с видом вернувшегося домой странника.

– Что ж так-то?

– Новый препод просто зверь какой-то, – неохотно выдавил из себя Дима. – Всех подряд заваливает, да еще и издевается...

Он вдруг заметил, что через перила беломраморной лестницы, ведущей на второй этаж, перевесилась Изольда и, не скрываясь, подслушивает разговор. Дворецкий тоже заметил это, после чего с достоинством ретировался. Дима и не думал его осуждать за отступление на заранее подготовленные позиции. Уж кто-кто, а он сам хорошо знал способности Изольды использовать слухи и сплетни против своих оппонентов...

– Ты не сдал экзамен, Димочка? – Голос мачехи был исполнен печали. – Вот папато расстроится... И родители Лены Апулевич тоже...

Изольда медленно спустилась по беломраморной лестнице в холл.

– Да родичам-то Ленкиным какая разница? – Диме не удалось справиться с раздражением. – Их только деньги волнуют...

Он с осуждением посмотрел на Изольду: она не меньше Апулевичей зациклена на денежных делах! Интересно, если бы Родион Сидоркин был скромным служащим в какой-нибудь фирмочке или банке, она бы тоже вышла за него замуж? Вряд ли...

– А я уверена, что их очень даже интересует успеваемость жениха дочери! – продолжала гнуть свою линию Изольда. – Когда ты наберешься здорового

смысла? Уже давно пора сделать Леночке предложение! – с нажимом заявила мачеха.

Дима подумал, что она сейчас напомнит, что отец придерживается того же мнения. И она, конечно, сказала это.

– А оно мне надо? – Дима встал, всем своим видом демонстрируя нежелание продолжать разговор, но сильная рука Изольды легла ему на плечо и заставила сесть на диван.

– Как же ты не понимаешь? – проникновенным голосом заговорила она. – Отец Лены сделает все, чтобы обеспечить тебе и ей прекрасную жизнь! – Изольда мечтательно возвела глаза к потолку. – Чем тебе не нравится Леночка? Ну объясни мне... Стильная, красивая, умная, с хорошим вкусом...

– Это еще не повод для женитьбы! – сказал Дима с досадой. – Знаешь, как ее у нас на литфаке зовут? Пуля-дура!

– А ты у нас штык-молодец? – Изольда начала потихоньку терять терпение, и ей все трудней было сдерживать себя, потому что больше всего на свете ей теперь хотелось треснуть Диму по голове этой вот его дурацкой сумкой, которая лежала рядом с ним на диване. – Не смей говорить о ней в таком тоне! Я говорила с Леночкой, она тебя любит и надеется на взаимность. И самое главное, что ее родители не против вашего брака!

Изольда считала, что все Димино упрямство и нежелание понять выгоду этого предприятия проистекает от избалованности, оттого, что никогда не приходилось ему зарабатывать гроши и рассчитывать нищенский бюджет – обо всем позаботились добрые и богатые родители. Невелика заслуга!

У нее самой детство было не из легких, и всего в этой жизни она добилась сама, своим умом и расчетливостью, которая граничила с хитростью. Когда Изольде было лет десять, от них с матерью ушел отец. Ушел к другой женщине и вычеркнул жену с дочерью из жизни. Совсем. Мать сначала стала пить и не обращала на Изольду никакого внимания, и та росла как трава, часто укладываясь спать на голодный желудок. Соседки из жалости отдавали ей старые платишки и туфельки, из которых выросли их собственные благополучные дочери. А Изольде пришлось запрятать свою гордость куда

подальше и ходить в обносках, чтобы просто не остаться голой и босой. И смотрели люди не на ее симпатичную мордашку и точеную фигурку, а на изношенные вещи и стоптанную обувь. И это было обидней всего...

Потом мать протрезвела и начала ходить по гадалкам и колдуньям, надеясь приворожить и вернуть неверного мужа в семью. Чтобы платить ворожеям, продала все, что представляло собой ценность. Стало еще хуже. Гадалки не помогли, и мать заболела, а на Изольду свалились все хлопоты по домашнему хозяйству, заботы по добыванию хлеба насущного и невероятно дорогих лекарств для матери.

Умненькая Изольда не стала мыть чужие полы, понимая, что из полomоек выбиться в люди уже невозможно, а начала решать контрольные работы одноклассников за деньги. Вскоре к ней стали обращаться и ленивые ученики из параллельных классов, клиентура значительно разрослась.

У нее был особый дар применения своих способностей на практике. Например, талант стилиста. Обладая врожденным вкусом и чувством меры, Изольда лучше всех умела сделать прическу или наложить праздничный макияж и брала за свои услуги дорого. После школы закончила курсы секретарей, надеясь устроиться на приличную работу. К этому времени мать тихо угасла, и после скромных похорон единственного близкого существа Изольда осталась одна.

Отец ее одноклассницы пожалел несчастную девчонку: пристроил на фирму к хорошему знакомому, бизнесмену Родиону Сидоркину. Изольду взяли на работу всего лишь курьером, но она смогла показать себя даже на такой скромной должности и неуклонно шагала вверх по карьерной лестнице, пока не стала секретарем самого шефа, а потом и его женой.

Непростая доля выпала Изольде: в ней было все, кроме любви. Поэтому она считала, что любовь всего лишь выдумка романистов и существует исключительно для того, чтобы интересно было смотреть фильмы и читать книжки, а к реальной жизни это глупое и бесполезное чувство не имеет ровно никакого отношения.

Изольда смотрела на пасынка как на инопланетянина, который абсолютно ничего не понимает в повседневной земной жизни. Ну надо же быть таким дураком, чтобы отказаться от плывущей в руки удачи, а тем более от реальной

выгоды!

– Я не собираюсь жениться на Пуле! – отчеканил, с вызовом глядя мачехе в глаза, Дима. – Я ее не люблю! Понимаешь ты или нет? Не люблю! – воскликнул он и упрямо поджал губы.

«Ну вылитый отец!» – с неприязнью подумала Изольда, однако внешне ничем не проявила недовольствия.

– Мальчик мой, любовь подобна гриппу, – попыталась перевести все в шутку она. – Если его лечить, проходит за неделю, а если не лечить, то за семь дней. В семейной жизни любовь совсем не главное. Лена – прекрасная партия! – Димино упрямство, а еще более его враждебный вид окончательно вывели ее из себя, и она перешла на крик: – А если она положит глаз на другого? Тогда прощай Апулевич с его миллиардами!

– Ты говоришь, как бордель-мама! – взвился Дима. – Ради бога, оставь меня в покое! Если тебе нужны миллиарды Апулевичей, то попробуй захомутать отца семейства, вдруг клюнет! Слабо переспать с ним ради денег?

У Изольды от гнева перекошило лицо. Она подскочила к Диме и ловко, как кошка лапой, отвесила ему звонкую пощечину. Дима неловко оттолкнул мачеху, та сделала, почему-то оглядываясь на висевшие на стене часы, несколько шагов назад и неожиданно для Димы рухнула спиной на журнальный столик. Ножки столика подломились, Изольда картинно растянулась на полу среди обломков, громко рыдая и размазывая по лицу косметику для большей убедительности: как раз в этот момент в холл входил Сидоркин-старший.

– Что здесь происходит? – Родион бросился к Изольде и помог встать на ноги.

– Он избил меня! – Рыдания Изольды перешли в жалобные всхлипывания. – Видит Бог, я этого не заслужила! Родион! Сделай же что-нибудь.

Сидоркин усадил жену на диван и повернулся к Диме, который так и застыл посреди холла с растерянным, ошеломленным видом.

– Дима, ты с ума сошел? – Родион с недоумением смотрел на сына. – Как ты мог поднять на Изольду руку?

– Я не бил ее, папа, она сама упала на столик. Специально! Это она мне дала пощечину, смотри – губу мне разбила! – Дима сам чувствовал, что говорит очень неубедительно и отец верит не ему, а Изольде.

– Он предложил мне такое... – подлила мачеха масла в огонь, – такое... Он сказал, чтобы я соблазнила Апулевича ради его миллионов... Как, по-твоему, я должна была реагировать? – плакала Изольда, трагически заламывая руки. – Родион, ты же знаешь, я такая уравновешенная, неконфликтная... Но это беспредел какой-то...

Родион вздрогнул, как от удара, а когда заговорил, стало ясно, что он еле сдерживается, чтобы не броситься на сына с кулаками.

– Сын, это правда?

Дима хотел сказать, что это не совсем правда, вернее, совсем неправда, но отец смотрел на него с таким гневом и осуждением, что у Димы пропала всякая охота выяснять детали и нюансы.

– Ты что, не видишь, она подвинулась рассудком на деньгах Апулевичей! Она обманщица! – закричал он.

– Не смей так говорить об Изольде, щенок! – взорвался Родион. – Я кормлю тебя, плачу за твое обучение и за шмотки! А ты? Ты позволяешь себе оскорблять мою жену, от которой ты ничего, кроме хорошего, в жизни не видел!

Дима видел, что отец разозлился так сильно, что способен ударить его. Но он и сам почти перестал себя контролировать.

– Ты тоже сошел с ума? Как ты можешь меня попрекать? – едва сдерживаясь, чтобы не заорать, сказал Дима. – Тут половина всего – мамина! А Изольда – хищница и гадина... Вползла в нашу семью, охмурила тебя!

– Замолчи немедленно! Сейчас же извинись! – с надрывом закричал Родион, хотя это было совершенно на него непохоже.

Он не любил повышать голос, а уж так, как сейчас, не орал никогда в жизни. И Дима тоже не мог остановиться:

– Мне не за что извиняться! Я не хочу жениться на деньгах! Я ваши планы разрушаю, да? Да идите вы со своими планами знаете куда?

Дима схватил сумку и бросился к выходу. Выскочив из дома, он сбежал по пандусу и направился к машине таким быстрым шагом, что не сразу услышал, что его зовет, пытаясь догнать, расстроенный дворецкий. Алексей Сеич страдал одышкой, и этот небольшой кросс по мощенному красной плиткой двору дался ему нелегко. Старик сунул Диме в руку пухлую пачку денег, а когда тот начал отказываться, замахал руками: мол, отдашь, когда все успокоится. Дима сунул деньги в карман джинсовой куртки, от души пожал Алексей Сеичу сухонькую ладонь, а потом обнял дворецкого и поцеловал в морщинистую щеку... Садясь в джип, Дима оглянулся: старик с убитым, растерянным видом смотрел вслед...

Долгое время черный «ха-пятый» Димы без всякой цели кружил по улицам Москвы, пока логика московских дорог, перекрестков и поворотов не привела его на смотровую площадку на Воробьевых горах. Дима долго сидел в машине, глядя в постепенно темнеющее небо, и все не мог успокоиться. Никогда еще они с отцом так не ссорились и не говорили друг другу таких обидных слов. Да, этого бы не произошло, будь жива мама. Дима усилием воли сдержал непрошенные слезы, завел машину и поехал в сторону общежития МГУ.

К удовольствию Нугзара, в приемном покое магического салона не было никого, кроме секретаря Норы – пухленькой блондинки Лерочки. Когда Нугзар вошел в салон, она с испуганным видом вскочила с места и попыталась улыбнуться. Он подошел к ней и обнял девушку за талию:

– Привет, Лерочка, я смотрю, ты все цветешь...

Когда Нугзар склонился к ней, Лерочка покорно закрыла глаза и застыла, ожидая поцелуя. Но тот отпустил ее и рассмеялся – уж больно забавно выглядела наивная девчонка.

– Нора занята? – спросил он почти утвердительно.

– У Норы Сигизмундовны важная клиентка.

– Хорошо, – усмехнулся Нугзар, – я подожду в комнате отдыха. Принеси мне чаю зеленого... побыстрее и позеленее...

– Одну минуточку! – Лерочка кинулась со всех ног исполнять поручение.

А Нугзар с комфортом расположился в мягком, огромном кресле и закинул ноги в безукоризненно чистых ботинках на уголок низкого столика. Вскоре Лерочка вошла в комнату с подносом, на котором стояла одна-единственная чашка, и поставила его поближе к Нугзару. Он махнул рукой, отпуская ее, и Лерочка вышла, пятясь и приседая от страха...

В магическом кабинете за столом напротив холодно улыбавшейся Норы сидела Изольда. Черное элегантное платье облегалo клиентку как перчатка – без единой морщинки. Изысканно-небрежная и в то же время тщательно продуманная прическа говорила о том, что эта светская дама проводит перед зеркалом очень много времени. Но, несмотря на все совершенства, было понятно, что Изольда не в себе: как ни пыталась она непринужденно улыбаться, на лице проступала озабоченность.

– На прошлом сеансе вы желали ссоры между пасынком и мужем, – сказала Нора. – Как видите, у нас с вами все получилось. Не жалеете об этом?

Нора умолкла и некоторое время разглядывала Изольду, как мелкое насекомое. Какие же они все одинаковые, эти новые русские! Они полагают, что круче их никого нет в этой жизни. Эгоистичные, зависимые от своих желаний, бездуховные, жадные, падкие до денег и наслаждений. Эти людишки десятками проходят каждый день через ее салон практической магии, сливаясь в сплошную серую массу. Они не вызывают у нее ничего, кроме чувства

брезгливости.

Им кажется, что можно купить за деньги то, что вообще-то по определению не продается и не покупается, – любовь, нежность и дружбу. Они думают, что могут безнаказанно разрушать чужие жизни, а если им плохо, то всегда найдется добрая тетя Нора, которая мановением волшебной палочки решит все проблемы и осуществит все желания, стоит только заплатить деньги.

Вот и сейчас сидевшая перед Норой Изольда вызывала не больше эмоций, чем раздавленный дождевой червяк.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Заброситься – спуститься под землю, диггерский жаргон.

2

Кадукей – жезл, обвитый двумя змеями, атрибут Гермеса (Меркурия).

Хокусаи, Утамаро – знаменитые японские художники XVIII века.

Купить: https://tellnovel.com/ru/starkova_elena/poceluy-morty

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)